

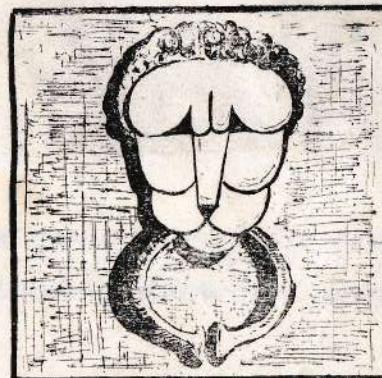
26.89(2-2Мышкин)

О-61

* * *

32350-1

ОПОЧИНИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ

Выпуск I

г. Мышкин

1991 год

26.29(2-2Мыш)

О-61

БАБЕЦКИЕ

ОПОЧИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК I

ИЗДАНИЕ НАРОДНОГО МУЗЕЯ И МЫШКОВСКОЙ
И ОПОЧИНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

г. МЫШКИН

1991 год

МЫШКИНСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
БИБЛИОТЕКАРСТВО

ВВЕДЕНИЕ

Опочининские краеведческие чтения в городе Мыскине учреждены районной библиотекой и Народным музеем. Их цель — помочь ученым и краеведам в изучении родного края, а также создание регионального центра общения для всех, кого интересуют вопросы истории и культуры русской провинции.

Учредители назвали Мыскинские краеведческие чтения именем русского просветителя, известного библиофила, основателя нашей библиотеки Федора Константиновича Опочинина. Первый раз чтения состоялись в январе 1991 года. В них приняли участие ученые и краеведы из Москвы, Рыбинска, Углича, Мыскина. Темы докладов были разнообразными, факты, сообщения — интересными.

Учредители считают полезным материалы чтений публиковать отдельными книгами. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей первый выпуск «Опочининских чтений». Не все материалы публикуются полностью, дословно. Часть докладов имелась в нашем распоряжении лишь в сокращенном варианте. Но мысли и основные факты в каждом тексте сохранены без изъятий.

Просим читателей ознакомиться с очередной мыскинской книгой и быть благосклонными к результатам изысканий и выводов участников нашей первой встречи.

И. Н. ОПОЧНИН

Дек. 1991

РУССКИЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И УЦЕЛЕВШИЕ ОСТАТКИ СТАРИНЫ

(Из наблюдений и воспоминаний)

Е. Н. ОПОЧНИН (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7).

Ответить определенно на вопрос, когда возникло у нас любительское коллекционерство, едва ли возможно. Несомненно, что специальное или вернее профессиональное коллекционерство существовало еще в глубокой древности: воин собирал оружие, грамотей-книжник — книги и т. д. У великих князей и позднее у царей собирались свои сокровищницы из всевозможных диковинок: заморских затейливых «штук», часов, дорогой утвари, оружия, конского убora и пр., но едва ли это можно отнести к коллекционерству, так как все перечисленные вещи не разыскивались, не собирались, а будучи подносимы в дар государю иностранными послами или его подданными, лишь бережно сохранялись в особом, определенном для того месте. Несомненные указания на существование любительского коллекционерства встречаем мы в документах XVII века. Между прочим, в числе вещей, находившихся в домовой казне патриарха Никона, мы видим 270 гравюр, или, как их называли тогда, «листов фряжских» («Временник Общ. истории и древн.», кн. 51, стр. 114). Мудрено предположить, чтобы такое количество гравюр собралось в патриаршей казне случайно, — без сомнения, любознательный и весьма образованный для своего времени Никон интересовался западным искусством и собирали наиболее доступные его образцы. У боярина Артамона Сергеевича Матвеева среди имущества, отписанного в 1676 году за опалу его в казну, находим целую художественную коллекцию, на составление которой, без сомнения, было положено немало денежных средств и труда. Тут были: «сорок один лист, писаны живописным письмом на разных красках и на золоте; две персоны королей польских Михаила и Яна, двенадцать Сивилл поясных, письма весьма старого; притча, как Иосиф бегал от Пентефриевы жены; в станку целомудрие, а в правой руке написан скифетр, в левой руке книга; на полотне написана Весна; в руке сосуд с травами; пять полотен, а на них, написаны персоны немецкие поясные; персоны немецкие ж; личина молодая в шляпе с перьями стоящая; десять личин немецких, на полотнах же и в числе их одна на бумаге; лист печатный на бумаге, а напечатан Голанской князь Вилим».

Кроме того, у Матвеева был целый ряд семейных портретов. Подобное описанному художественное собрание мы ви-

дим в числе «отписанного на Великих Государей» имущества князей Василия и Алексея Голицыных. «Тут находились: персоны и листы писаны на полотнах и на бумаге: персона князя Владимира Киевского на полотне; персона царя Ивана Васильевича на полотне; царя Феодора Ивановича на полотне; царя Михаила Феодоровича на полотне; царя Алексея Михайловича; четыре персоны царя Феодора Алексеевича, одна в рамках черных, поясная, две писаны на полотнах — одна в черных рамках, другая в золоченных, четвертая писана на доске; персона святейшего Никона патриарха, саккос и омофор и панагия, наклеенные разных цветов оберми; Иоакима патриарха, писана на полотне; три персоны королевских, писаны на полотнах, персона польского короля на коне; двух рамках персоны польского короля и королевы его; 12 персон немецких в круглых золоченных резных рамках; в 20 клеймах золоченных, писаны на полотнах лица, времена, стихии и праотцы; в черных рамках писаны на полотне притчи из Библии; четыре листа немецких 12 персон немецких печатных; личина человечья, писана на полотне; лист немецкой, по сторонам написано по пистоли, две личины каменные».

Таково было художественное собрание князей Голицыных. Некоторый намек на специальное собрание можно видеть в их оружейной палате: там, кроме обыкновенного, так сказать, обиходного оружия — огнестрельного и холодного, мы видим целый ряд предметов, в конце XVII века уже не употреблявшихся в качестве оружия, а также множество вещей богатой художественной отделки и иностранного происхождения. У Голицыных же, как видно из описи их имущества, была в конце XVII столетия и небольшая домашняя библиотека.

Но Артамон Сергеевич Матвеев и князь Василий Васильевич Голицын не могут, конечно, быть подведены под общий уровень бояр XVII столетия по своей близости ко Двору, образованию, наконец, частым сношениям с иностранцами — оба они представляли исключения даже среди наиболее знатных и богатых людей своего времени. Более удивительный пример любительского коллекционерства является собой в том же XVII веке простой, небогатый помещик, некто Петр Васильевич Львов, живший в своей вотчине Пошехонского уезда, селе Крохине. В описной книге этого села, составленной в 1682 году приказным человеком Львова Ивашикою Кукиным, в числе имущества, находившегося в «большой горнице» — вот-

чиникова двора, упомянуто 596 листов немецких разных, больших и малых, помещавшихся в «писаной скрыне» (род комода).

Если предположить, что «немецкие листы» и писанные на полотне «персоны» собирались у князей Голицыных и у Артамона Матвеева случайно, то никоим образом нельзя назвать случайным столъ обширное их собрание у небогатого пошехонского помещика. Несомненно, это была уже коллекция, на которую были затрачены значительные по тому времени средства, жертва которыми на приобретение столъ мало нужных вещей, как «немецкие листы», была возможна лишь со стороны любителя-коллекционера. Допустим, что Львов покупал гравюры в Москве, в Овощном ряду, где ими торговали в XVII столетии, и тогда затраты его на коллекцию были немалы: вспомним, что оценщики, думный дворянин Иван Семенович Ларионов и дьякон Яков Никонов, производившие по особому приказу опись и оценку имущества князей Голицыных, несомненно, руководствовавшиеся при этом более или менее ходячими ценами, определили стоимость «четырех листов немецких» по 5 рублей за лист. А это было в 1690 году, то есть позже того времени, когда Львов собирал свою коллекцию. Наибольшее развитие коллекционерство в России получило в XVII столетии и особенно в царствование Екатерины II. Собирали, подражая императрице и ее ближайшим вельможам, книги, картины галереи, мюнц-кабинеты, составляли коллекции табакерок, карманных часов, фарфора, тростей и пр. Особенno сказалось стремление в это время к организации библиотек. Русские и заграничные книжные фирмы получили огромные заказы единовременно на составление десятков домашних библиотек, часто по одному и тому же шаблонному списку. Мне известны только в трех уездах Ярославской губернии: Рыбинском, Мологском, Пощеконском до 87 домашних помещичьих библиотек приблизительно одного и того же состава, собранных во второй половине XVII века.

Любопытное и характерное явление, относящееся к той же эпохе, представляют собой так называемые «фальшивые библиотеки», которые мне случалось видеть в некоторых стационарных усадьбах и даже в Петербурге. Это не что иное, как шкафы, иногда богатые, очень хорошей работы, к стеклам которых изнутри подклеивались сплошные ряды книжных кожаных корков с вытесненными на них золотом именами авторов

и заглавиями сочинений. Эти удивительные шкафы, которыми иногда обставлялись целые комнаты, с первого взгляда производили впечатление настоящей библиотеки, между тем как внутри вместо книг в них помещалась всевозможная рухлядь: принадлежности псовой охоты, сбруя и пр.

Один богатый помещик Ярославской губ. А. Н. Небольсин в сельце Кобылине-Дмитриевском Арефинской волости Рыбинского уезда, между прочим, явил собою оригинального «библиофила». Он владел прекрасной, хотя и шаблонной библиотекой, доставшейся ему в наследство и помещенной в дорогих карельской березы шкафах. Во всю жизнь не взяв в руки ни одной книги, он давно сетовал, что библиотека занимает прекрасные, поместительные шкафы, куда можно было прятать вместо бесполезных книг весьма полезные оброчные холсты, пряжу и пр. Однако выбрасывать книги было невозможно — это значило бы отстать от времени и не иметь совсем библиотеки, да и золоченые корешки переплетов украшали комнаты. Из этого затруднения мудрый помещик вышел просто: он решил сохранить... только одни корешки книг. Это давало возможность воспользоваться шкафами и в то же время сохранить красоту библиотечной обстановки.

Сказано — сделано, и помещик принял за работу: за вырывание книг из переплетов, обрезывание от них корешков, склеивание их в сплошные полосы и наклеивание их на внутренние стороны стеклянных дверец у шкафов. Варварски ободранные книги он ссылал в каретный сарай, где я их нашел 75 лет спустя в виде сплошной слежавшейся от сырости массы печатной бумаги... Другой помещик... Но за справедливость нижеприводимого случая я не ручаюсь: может быть, это только анекдот.

Итак, другой помещик, следуя за временем, задумал составить библиотеку. Прежде всего он приказал своим крепостным столярам сделать для его кабинета, где предполагалось поместить библиотеку, красивые шкафы из березового выплава с резьбой, позолотой и разными затеями. Затем уже были выписаны книги в числе более 2000 томов, все в дорогих с позолотою переплетах. Когда книги были получены, их стали размещать по шкафам, но вот беда — многие из них не подходили размерами к полкам и не входили на них, а полки между тем были сделаны наглухо и притом необыкновенно прочно. Что было делать? Не портить же дорогие шкафы! И

«библиофила»-помещик приказал обрезать все не входившие на полки книги и в таком виде втиснуть их на свои места. Мне называли даже фамилию этого «библиофила», но, воля ваша, случай этот я все же считаю анекдотом и в существование помещика, обрезывавшего книги, не верю. Но если это и неверно, то хорошо придумано.

Конечно, не все библиотеки в XVIII столетии составлялись по шаблону, мы говорим только о книжных собраниях помещичьих, да и то о таких, которые устраивались не ради удовлетворения духовных потребностей владельца, а лишь для того, чтобы не отстать от других. И среди помещичьих библиотек того времени встречаются исключения: в некоторых из них подбор книг поражает своей серьезностью и толковостью. Такова была, между прочим, домашняя библиотека Михаила Гавриловича Чеглокова в имении его Рыбинского уезда, в которой можно было найти все лучшее, что дала русская и иностранная литература XVIII века. Я мог бы здесь назвать и еще несколько подобных библиотек, но полагаю, что это излишне. Не подходили под общий шаблон и большие барские библиотеки вельмож и царедворцев XVIII века; в составе каждой из них вы непременно наталкиваетесь на какой-либо отдел, выражющий наклонности и вкусы владельца библиотеки, так сказать, его любительскую специальность: в одной особенно полным и богатым по подбору изданий является отдел эротики (и это очень часто), а в другой—исторических сочинений, в третьей—поэзия и т. д. Между прочим, в «Описи» библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г. и сгоревшей во время знаменитого пожара, мы находим несомненно следы коллекционерства: в «Описи» занесено множество древних рукописей, из них несколько писанных на пергаменте, немало редчайших даже для того времени изданий и, наконец, около 1500 всевозможных пьес. Преобладание последних с очевидностью указывает на вкусы лица, их собиравшего, — графа Николая Петровича Шереметева, страстного театра, одно время стоявшего во главе управления нашими казенными сценами.

Весьма ценные указания на существование в XVIII веке частных музеев дает помещенное в той же «Описи» особое приложение, перечисляющее «в библиотеке же — из бывшей кунсткамеры редкости». Судя по тому, что «Опись» была

составлена в начале прошлого XIX века, можно с уверенностью сказать, что «кунсткамера», равно как и большая часть библиотеки, были собраны в XVIII столетии.

Таким образом, становится несомненным, что у богатых людей в XVIII веке были не только специальные собрания, но и целые «кунсткамеры» или музеи. Начало XIX века застает в Петербурге уже целый ряд частных собраний, весьма ценных по значению сосредоточенных в них художественных предметов... По крайней мере, из отчетов об аукционных продажах некоторых из таких собраний — А. И. Корсакова, графа П. В. Гудовича — не считавшихся первоклассными, мы видим, что в них были оригиналы старых итальянских мастеров, редкие бронзы, мраморы и т. п. предметы. Те же отчеты приводят к мысли, что в то время, в начале 20-х годов, в Петербурге уже процветало любительское коллекционерство: на все распродававшиеся предметы, несмотря на очень высокие цены, находились покупщики, главным образом из высшего общества столицы.

II

Не отставала от Петербурга в деле устройства частных собраний и Москва. Пожар 1812 года уничтожил целую массу драгоценных редкостей, сосредоточенных в домах богатых московских бар; в огне погибли, кроме множества других, такие библиотеки, как графа А. И. Мусина-Пушкина и графа Н. П. Шереметева,—и все же к 1820 году мы видим в древней столице множество богатых частных библиотек, картинных галерей и других собраний. Не полную, но весьма любопытную картину московского коллекционерства того времени дает нам в своем «Письме» П. Свинин («Отечественные Записки», издаваемые Павлом Свининым, ч. 121-II. С.-Петербург, 1820).

Малая доступность этого документа, сколько нам известно, в последнее время нигде не перепечатанного, позволяет нам привести здесь его в извлечениях, имеющих непосредственное отношение к интересующему нас предмету.

«Известно,—говорит П. Свинин, приступая к перечислению московских частных хранилищ,—что кроме набегов татар на Москву, три эпохи были самые пагубные для отечественных наших летописей и хранилищ наук и художеств. Первая—истребление царем Феодором Алексеевичем местниче-

ских книг, причем отбираемы были от дворян все книги, в коих находилось хотя одно слово, касающееся до фамилии. А мы знаем, что в то время нередко вся библиотека русского дворянина состояла из одной толстой книги, в которую вписывал он свою родословную, избранные молитвы, современные исторические происшествия и разные предания, дошедшие к нему от его предков.

Вторая эпоха—чума, а третья—1812 год. После сих опустошений тем удивительнее найти еще в древней столице нашей несметные богатства по всем частям». Затем автор письма описывает известную библиотеку рукописей и старопечатных книг графа Федора Андреевича Толстого, описанную Калайдовичем и Строевым и каким-то чудом сохранившуюся после нашествия французов, взявших из нее только сочинения на их родном языке,—после чего приводит краткий перечень наиболее замечательных русских медалей и монет мюнцкабинета того же коллекционера. Здесь упоминает он о золотой медали Дмитрия Самозванца, о медали, поднесенной депутатами законодательной комиссии императрице Екатерине II с именем «Премудрой» и «Матери отечества», и, наконец, о медной полтине царя Алексея Михайловича, которую он хотел заменить случившийся в его время недостаток в деньгах, но которая не была выпущена вследствие происшедшего по этому поводу народного возмущения. «Невозможно без сердечного сожаления вспомнить,—говорит далее П. Свинин,—что при нашествии французов в 1812 году погибла драгоценная библиотека графа А. И. Мусина-Пушкина, которую он собирал более 30 лет, имея к тому особенную страсть и все способы как по богатству своему, так и по важным должностям, кои занимал он в государстве. Кроме весьма редких отечественных рукописей, из коих успел он напечатать только превосходную «Песнь Игореву» («Слово о полку Игореве») и известную «Духовную Мономаха», граф обладал рукописями многих русских историков, как-то: Крекшина, Елагина, Болтина, из коих многие были еще неизвестны и кои намерен он был издать в свет».

В числе других древних памятников погибли новгородские и двинские грамоты, на которые в своей «истории» ссылается Карамзин, а также древнейшее греческое Евангелие, за которое лорд Дуглас предлагал графу А. И. Мусину-Пушкину 5000 червонных и которое считалось прекраснейшей и драгоцен-

нейшей из всех известных в то время рукописей. Однако графу Мусину-Пушкину удалось сохранить свой мюнц-кабинет, в котором П. Свинин отмечает медаль, коею царевна Софья наградила своего любимца князя В. В. Голицына за турецкий поход. На одной стороне этой медали изображена Софья в царской короне, а на другой—цари Иоанн и Петр. «Футляр сделан из яшмы с яхонтовою крышечкою, медаль же привешена на тяжелую золотую цепь».

В числе «кантиков и бронз» собрания графа Мусина-Пушкина П. П. Свинин останавливает внимание на прекрасной группе «Геркулеса, поражающего смертоносною палицею стоглавую гидру». «Это,—говорит автор письма,—превосходное произведение славного Жана Булонского; 1591—1632». Оно хотя вылито из серебра, но покрыто бронзовым лаком, дабы выставить наружу все малейшие мускулы и нервы, кои представлены чрезвычайно натурально».

Далее в «Письме» мы находим упоминание о знаменитой библиотеке графа Бутурлина, превращенной в пепел московским пожаром. Граф Бутурлин, по словам Свиннина, в продолжении 20 лет не щадил ничего для приобретения самых редких изданий. Революция, рассеявшая по Европе несметные сокровища наук и художеств, собранные и хранившиеся нескользко веков во Франции, способствовала весьма много к доведению библиотеки его до сей степени совершенства. Затем в «Письме» перечисляются наиболее замечательные предметы собраний: Карабанова, кн. Николая Борисовича Юсупова (коллекция его тогда находилась в Москве и в подмосковном Архангельском) и князя Михаила Петровича Голицына, музей которого впоследствии был приобретен для Императорского Эрмитажа.

III

Большую известностью пользовалась тогда коллекция страстного собирателя и знатока искусства Александра Сергеевича Власова. «Кабинет Александра Сергеевича Власова,—говорится в современном ему описании,—не менее разнообразен своими предметами и, уступая галерее князя Голицына насчет картин, мраморов и рукописей, несравненно превосходит оную собранием резных камней и эстампов, на кои, кажется, предпочтительно г. Власов обращал свое внимание».

Его собрание эстампов может почесться «лучшим в России», он не ищет полноты авторов, а старается единственно иметь превосходнейшие их произведения. Большая часть оттисков «до надписи» отличаются каким-то особенным колоритом, который, не имея черноты, сохраняет всю силу резца, — белые места, или «светы», блестят ярким серебром. Смотря на них, забываешь преимущество живописных оригиналов. Одним словом, можно познакомиться с изящнейшими произведениями Белля, Бервика, Блотелинга, обоих Болсвертов, Броуна, Карраччи, Клерка, Дорини, обоих Древетов, Альбрехта Дюрера, Вандика, Эделинка, Лодерса, Массона, Клода, Миллеров, Пикара, Пито, Марк-Антония, Рембрандта, Спаньолета, Рубенса, Шмидта, Шмуцера, Шарпа, Фишера, Виварса, Форстерманна, Вилле, Уллета и многих других знаменитейших граверов. Нельзя не заметить, что часто малейшая безделица увеличивает достоинство эстампов в 10 раз, но также обнаруживает и подделку. Собирая библиотеку, г. Власов руководился тем же вкусом и разборчивостью.

Главным предметом его было изящество, и потому по сей части найдете вы почти все, что было создано Фустами, Гренсгеймами, Женсонами, Альдами, Ельзивирами, Ибиррами, Дидотами, Бодениями, Муссиями,—все, чем прославилось печатное искусство от начала изобретения его до наших времен. При сем можно заметить, что большая часть перечисленных здесь изданий не состоит более в продаже, а по случаю покупается охотниками необыкновенною ценою, некоторые же и совсем не продавались, а издаваемы были монархами и богатейшими вельможами для подарков. Только французская революция и последние перевороты в Европе могли доставить возможность приобрести оные. Между прочим, среди рукописей и редких изданий в коллекции Власова были: «Служба Пресвятой Богородице»—прекрасный манускрипт, украшенный миниатюрами, несколько латинских рукописей XIII и XIV веков, великолепный персидский манускрипт с видами и костюмами и проч.

В выборе резных камней или камей у Власова была видна та же цель, то же стремление к приобретению одного изящного. Большая часть этих древностей в коллекции А. С. Власова была лучшей греческой работы. Многие из них, как-то: «Прощение Ореста», бюст Минервы, вакханка — считались в лучших кабинетах Европы величайшими редкостями. Бюст Ми-

нервы из собрания герцога Орлеанского был куплен императрицей Екатериной (камень этот подарен был ею графу Дмитриеву-Мамонову). О «Центавре», бывшем в собрании Власова, упоминается в творениях Метастазия как о вещи, принадлежавшей этому поэту. «Раздраженный вол» принадлежал Людовику XIV.

Картинная галерея А. С. Власова по достоинству и полноте подбора составлявших ее произведений уступала другим его коллекциям, но и в ней, однако же, встречались вещи чрезвычайного художественного значения; особливым украшением этой галереи были две прекраснейшие небольшие картины—этой галерее были Карло Дольчи и Леонардо да Винчи, купленные А. С. Власовым за 22.000 руб. у Маршала, который вывез их из Италии. Затем в галерее Власова были представлены своими произведениями почти все лучшие западные мастера и между ними: Брегель, Поль Поттер, Теньеर, Дирих и пр.

Наконец, в картинной галерее А. С. Власова находился эскиз знаменитой картины Корреджио «Обручение св. Екатерины».

Собрание бронз, принадлежавшее Власову, также заключало в себе немало редчайших и изящнейших вещей, из которых лучшие относились к эпохе Возрождения. Но лучшим из всех собраний А. С. Власова было, без сомнения, собрание эстампов, на котором, так сказать, специализировался этот коллекционер. Здесь были экземпляры, в настоящее время совершенно не находимые и стоявшие баснословных денег.

Все собрания А. С. Власова, в общем достигавшие огромных размеров, были всегда в образцовом порядке, особенно же эстампы. Их легко узнать даже и теперь, так как каждый лист помещался у него на особой, так сказать, «кустодии» из толстой бумаги с рамой на полях. Коллекционерская эпопея Власова закончилась тем, что он разорился и умер в 1825 г. Предвидя печальную участь ожидавшую собрания Власова и, в частности, его знаменитую коллекцию эстампов, император Николай Павлович приказал произвести ей оценку с целью приобрести ее для Эрмитажа.

Мы не знаем, кто именно производил эту оценку, но в конце концов собранию Власова была определена цена в 35.000 рублей, и его назначили к «разыгрыванию в лотерею». («Каталог вещам, назначенным от комиссии, Высочайше учрежденной по имени г. Власова для разыгрывания в лотерею». М.,

1826). Таким образом, замечательной коллекции грозила опасность разойтись по рукам. Несомненно, так бы и было, если бы лотерей состоялась. Но, к счастью, этого не случилось: пятеро богатых людей в Москве, прикоснувшихся к коллекционерству, решили приобрести собрание Власова «в складчину». Они собрали сумму в 35.000 рублей между собою и купили его. Несмотря ни на что, думается, что имена этих лиц, решивших спасти знаменитую коллекцию, должны быть сохранены для потомства, это были: кн. С. М. Голицын, Н. С. Мосолов, кн. Лобанов-Ростовский, И. В. Лихачев и Иванчин-Писарев.

Лет 45—50 тому назад часть этого колоссального собрания, купленная И. В. Лихачевым, досталась Я. И. Л-ву, офицеру конногвардейского полка, удивлявшему своими безумными тратами и самодурством Петербург и Москву. Растратив все, что можно было (кроме неприкосновенного майората), на лошадей, собак и целый ряд диких своих выходок и попав под опеку, Л-в стал часто нуждаться в нескольких сотнях рублей. В одну из таких «трудных» минут он продал принадлежащую ему часть собраний Власова одному еврею. И эта «часть» могла быть увезена только на нескольких возах. Покупщик, торопившийся выручить затраченные деньги, в короткое время продал гравюры, по дешевым сравнительно ценам, на несколько тысяч рублей... Вот все, что я знаю о судьбе знаменитого собрания Власова. Куда девались остальные его гравюры, а также бронзы и камеи, знать было бы крайне интересно. Может быть, они и теперь гниют на чердаке дома наследников какого-нибудь «просвещенного» любителя или валяются в кладовой одного из новых Гарпагонов...

Современная власовским собраниям галерея Алексея Алексеевича Тучкова состояла из 92 картин, составлявших, по словам П. Свиньина, «нечто целое», достойное украшать царские палаты. И действительно, в этой галерее, не особенно большой по количеству произведений, были почти исключительно произведения величайших художников и между ними картина Доменикино «Товий», до революции бывшая собственною французских королей. Во время революции эта драгоценность как-то попала в Швейцарию, откуда и была привезена в Россию Робером, обогатившим московские галереи превосходными образцами старинной живописи.

Из собраний Алекс. Семенов. Васильчикова, между прочим, в этой галерее находились «Внутренность корчмы» Бота, че-

тыре вида Каналетто, «Венера и Адонис» Тициана, портрет кардинала Медичи кисти ученика Рафаэля Бронзино, «Христос и самаритянка» Аннибале Карраччи. В той же галерее Тучкова находилось несколько редчайших бронз Козловского, по работе и художественности лепки не уступающих произведениям знаменитого Болоньи.

Кроме перечисленных здесь частных собраний, прекрасною и ценою галереей обладал Федор Семенович Мосолов, у которого между прочим были: чудный оригинал «Сусанна и старцы», портрет Веласкеса собственной его работы и пейзаж с фигурами всадников Филиппа Вувермана.

Брат владельца этой галереи Николай Семенович Мосолов также собирал картины, но галерея его находилась не в Москве, а в деревне его. Уцелела ли она до сих пор, — мне не известно. Среди собирателей рисунков первое место в двадцатых годах прошлого столетия занимал князь Алексей Иванович Долгоруков, владевший собранием оригинальных рисунков величайших мастеров всех известных школ. В коллекции кн. А. И. Долгорукова таких рисунков было до 5.000. Здесь находились оригиналы Рафаэля, Тициана, Рубенса, лучшие и наиболее законченные рисунки Рембрандта и, наконец, целяя драгоценная книжка с оригинальными рисунками Альбрехта Дюрера, изображающими путешествие смерти с человеком от колыбели до могилы...

В кратком очерке, конечно, невозможно дать сколько-нибудь подробное описание всего, что заключали в себе частные собрания Москвы в начале прошлого века, но и на основании приведенного выше простого перечня можно заключить, что древняя столица владела неисчислимыми сокровищами искусства и древности, которые в общей сложности могли бы составить беспримерное по богатству и ценности хранилище. Но и без этого, будучи достоянием частных лиц, все эти собрания несомненно выполнили свое культурное назначение.

Где же теперь все эти сокровища? Ответить на этот вопрос невозможно. Некоторые собрания, как, например, Голицынский музей, вошли в состав наших государственных хранилищ, а остальные или разошлись по рукам, или ушли за границу. Но «не говори с тоскою «их нет», а с благодарностью — «были»...».

IV

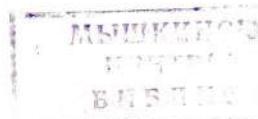
Еще за несколько лет до начала 60-х годов, в развитии любительского коллекционерства в России наступает заметный перерыв. Это, может быть, надо объяснить тем, что тогда, перед эпохой великих реформ, жизнь выдвигала на первый план интересы, заслонявшие собою все, что не вязалось с назревавшими вопросами, что не помогало их разрешению... Но так или иначе развитие любительского коллекционерства тогда приостановилось, а несколько позднее, в конце 60-х годов, потеряло едва ли не большинство своих adeptov. Остались лишь упорные «любители», которых вся жизнь ушла на любимое дело, для которых не собирать—равносильно смерти. Многие из коллекционеров картин, эстампов, бронз, мраморов и других художественных предметов стали распродавать свои собрания и заменять их в чаянии заменить даровые рабочие руки крепостных «коллекциями» машин и земледельческих орудий...

Тогда-то заторговали, как никогда, толкучие рынки обеих столиц, тогда-то впервые направились за границу целые транспорты художественных редкостей, скупленных за бесценок ловкими антикварами. Разумеется, все это было только временным, преходящим явлением: прошло два-три десятилетия, и снова возродился интерес к коллекционерству. Как и раньше, тон в этом направлении дали столицы, затем стали встречаться собиратели в больших городах: Одессе, Киеве, Харькове, Саратове и т. п., и, наконец, дошло до того, что теперь в каждом уезде вы непременно встретите одного, а то и двух коллекционеров, собирающих что-либо специально или же все, что попадется, без всякого разбора и системы. В старину собирали большею частью картины, монеты и эстампы. Теперь, как увидим, выступили на сцену совершенно иные виды коллекционерства, причем оно сделалось достоянием не одних богатых и знатных лиц, но проникло даже в народ.

Коллекция монет и медалей прежнего времени кое-где в старинных имениях встречается и теперь. Мне памятна, между прочим, довольно обширная нумизматическая коллекция, принадлежавшая С. В. Михалкову, умершему в 1904 году, собранная его дедом и отцом и находившаяся близ города Рыбинска в имении Михалковых в селе Петровском.

Затем такое же собрание В. П. и П. П. Кисловских в Кашинском уезде, в селе Башвине, где хранилось до 1905 года вместе с тем когда-то знаменитое собрание картин старинных западных мастеров, принадлежавшее сенатору Д. И. Панаеву и состоявшее более чем из двухсот номеров. Это собрание картин, минуя галерею староголландской живописи П. П. Семенова-Тяньшанского, являлось одним из самых ценных из всех других: туда случайно попали вещи огромной художественной ценности, да и составлялась эта коллекция одним из лучших знатоков и ценителей искусства 20-х—30-х годов XIX столетия. Из других картинных галерей, на составление которых одно время держалась мольба, мало можно назвать собранных с толком и знанием дела: большинство их составлялось в самое короткое время, причем Рубенсы, Рембрандты, Вандейки, Вуверманы, Корреджо и даже Рафаэли покупались случайно где-нибудь за границей за баснословно дешевую цену...

В общем, однако, несмотря на дешевизну «шедевров» великих мастеров, такие галереи обходились их владельцам в огромные суммы. Убеждение в подлинности произведений, составлявших эти галереи, держалось у их владельцев непоколебимо, и они оценивались в сотни тысяч рублей. Разочарование наступало только тогда, когда обстоятельства заставляли прибегнуть к попытке продажи собрания. Памятен мне, между прочим, такой случай. Одна княгиня (Салтыкова), представительница древнего и богатого рода, получила в наследство большую картинную галерею, составленную исключительно из произведений величайших старинных европейских мастеров. В семье издавна держалось предание о колоссальной сумме, затраченной одним из отшедших представителей фамилии на приобретение этой коллекции, где среди массы других картин были «несомненные» произведения Рубенса, целых два Рафаэля, Пуссен, три Рембрандта, пять или шесть пейзажей Рюисдаля и пр. Но вот изменившиеся обстоятельства заставляют владельцу прибегнуть к продаже драгоценного собрания. В России найти покупателя на целую большую галерею, конечно, трудно: Эрмитаж от приобретения ее «почему-то» отказался... Частных лиц, желающих затратить на картины что-то около миллиона, нет,—вот приходится везти всю коллекцию за границу, прежде всего в Париж, как соредоточие любителей и знатоков искусства. Однако, прежде чем реши-

ться на это, владелица галереи пригласила для предварительной оценки собрания француза, специалиста-оценщика произведений старинной живописи. На проезд его из Парижа, конечно, пришлось послать денег да, кроме того, заплатить что-то около 5 тысяч франков за труд по оценке. Оценщик приехал в родовую княжескую вотчину, с неделю глубокомысленно рассматривал картины, отмечая что-то в своей записной книжке, и в конце концов объявил, что вся галерея стоит не менее 6 миллионов франков. Перспектива выручки столь огромной суммы, разумеется, весьма улыбалась владелице, и галерею, запаковав в сотню громоздких ящиков, отправили в Париж, на имя указанной оценщиком антикварной фирмы. Последняя уведомила княгиню о необходимости найма особого помещения, где можно бы было выставить драгоценные шедевры. На это дано было согласие, — расход в 15 — 20 тысяч франков не мог представляться значительным, когда в перспективе было получение миллионов, и галерею эффектно разместили в нескольких залах богатого отеля на одной из бойких улиц. Проходил месяц за месяцем, прошел наконец и год, а картины не продавались. Вместо 6-ти миллионов княгиня получила счет на 18 тысяч франков, которые она должна была заплатить за помещение, найм прислуги и в возмещение других расходов. Это несколько отрезвило владелицу знаменитой галереи: не желая нести дальнейших расходов, она отдала распоряжение продать картины хотя бы в шесть раз дешевле оценки. На это вскоре было получено уведомление, что за все картины предлагаю только 4 тысячи франков, так как шедевры великих мастеров оказались плохими копиями и главную стоимость представляют не картины, а красивые лепные рамы... Так знаменитая галерея и осталась в Париже, причинив своей владелице около 20-ти тысяч ненужного расхода.

Немало подобных галерей находилось еще и в последнее время по нашим градам и весям, но это еще не доказательство того, что все художественные собрания в XVIII веке и начале XIX века составлялись без всякого понимания: были среди них и счастливые исключения, о которых упомянуто выше, были и такие собрания, где в массе никуда не годного хлама попадались вещи высокого художественного значения. Кроме художественных собраний, мне известно несколько составленных в XVIII веке ценных и крупных коллекций резных камней (камей), часов, с десяток собраний эстампов, а также большая

коллекция старинного, главным образом русского серебра, собирание которой было закончено в половине прошлого столетия и которая, хотя и не совсем бережно, но еще хранилась у наследников любителя-коллекционера С-ва.

Припоминаются мне и другие собиратели недавнего времени, которых я знал уже не понаслышке, а лично. Расскажу о них, что знаю, пока не изменяет память. Попутно сообщу и о судьбе, постигшей их собрания, — судьбе, по большей части злосчастной.

Вот как живая встает передо мною фигура высокого художника старика Валериана Михайловича Скрипицына. Его часто видели на улицах маленького городка Мышина в плаще с старинной тростью в руке, В.М. до начала 80-х годов служил неизменным членом по крестьянским делам присутствия. Человек одинокий, он все свое время отдавал службе да еще одной страстишке, о которой речь впереди. Образцовый службист, В. М. не назначал времени для приема своих многочисленных просителей-крестьян из уезда: он принимал их просьбы, давал им умные и дальние советы всегда, во всякое время... кроме пятницы.

Надо заметить, что пятница в Мышике — базарный день. Боже упаси, если проситель являлся к нему в пятницу: всегда кроткий и тихий, В. М. выходил из себя и разражался страшным гневом. Его бесило, видите ли, то, что крестьяне являлись к нему в пятницу не специально, а только кстати: поедет в город на базар да кстати и к нему зайдет «посоветовать». В первое время службы В. М. в Мышике это «кстати» много раз было причиной бурных сцен, нарушавших безмятежный мир скромного жилища старика. Вот в одну из таких пятниц является, бывало, к В. М. какой-нибудь злосчастный проситель. Войдет, по обычью проведет сначала себе по носу рукавом дубленки или сермяжного кафтаны, тряхнет волосами — и ждет. Смотрит, а Валериан Михайлович уж тут как тут — стоит и таково кротко, тихим голосом спрашивает:

— Тебе, голубчик, что надо?

— Так и так, — мол, — по делу...

— А ка-кой се-го-дня день? — с расстановкой на каждом слоге спрашивает В. М. просителя, не спуская с него взора.

— Пятница, — отвечает с недоумением проситель.

— А! Пятница! Так пятница?! Пятница?! — раздражается ста-

рик, поворачивает просителя и, приговаривая свою «пятницу», выталкивает его из квартиры...

После нескольких опытов крестьяне, конечно, узнали обычай старика и перестали являться к нему «кстати» по пятницам.

Вот у этого-то старика Скрипицына была также коллекционерская страстишка, которая развилась в нем благодаря нижеследующему случаю. Как-то недальняя родственница В. М., представительница, как и сам он, когда-то богатого и знатного рода, умирая, отказалась ему единственное оставшееся у нее достояние... десятка два старинных севрских, саксонских и венских фигурок и кукол. Получив это наследство, В. М. полюбовался на изящные формы пастушков, пастушек, маркизов и маркиз, подивился яркости их раскраски и тонкости фарфора, покачал головою и расставил свою коллекцию на старинном столе в своей маленькой гостиной. После того, всякий раз проходя этой комнатой, старики останавливался полюбоваться «наследством», а затем мало-мало у него вошло в обычай рассматривать свою маленькую коллекцию по утрам. Веселые, ярко раскрашенные фигурки нравились ему все больше и больше,—они что-то будили у него в душе... Однако мысль об увеличении своего случайного собрания В. М. не приходила еще в голову. Но и тут решающее значение имел случай. Однажды к Скрипицыну приехала по делу из своей усадьбы старушка-помещица. Со старомодными церемониями Скрипицын пригласил свою посетительницу пожаловать в гостиную. Старушка, усевшись на диване, с удивлением остановила взгляд на расставленных на столе фарфоровых фигурках и не вытерпела, спросила:

— Да никак вы, государь мой, в куклы играть начали?

В. М. сначала рассердился было, но потом признался, что фигурки ему нравятся, и одну за другой стал показывать их гостье, с увлечением объясняя ей их достоинства. Старушка слушала и качала головой. Наконец, она с сожалением сказала:

— Вот, не знала я, что вы любите эти пустяки!.. Жаль, право, жаль! А то привезла бы вам таких же кукол. Их у меня с полсотни, еще после бабушки моей, покойницы, осталось. Только место даром занимают в горке... Ну, да все равно, я их вам пришлю.

В. М., как он потом сам мне рассказывал, живо заинтересо-

совался и, по отъезде помещицы, стал с нетерпением ждать обещанного подарка. Добродушная старушка, оказалось, не забыла своего обещания и по прошествии недели прислала куклы. Их оказалось не полсотни, как она говорила, а около восьмидесяти. Теперь «собрание» уже не умещалось на столе и, волей-неволей, В. М. пришлось заказывать особый шкаф. С этого времени старики пристрастился к куклам и фигуркам. Он искал их везде—в городе и уезде, у помещиков, завел агентов и в соседних уездах, несколько раз ездил даже к антикварям в Петербург и Москву, выписывал французские и немецкие издания о старинном фарфоре. Замечательно, что вообще к созианию фарфора он не пристрастился: посудой, как бы она ни была красива и стара, он пренебрегал и с увлечением собирали одни куклы. Но зато собрание последних у него было громадное: ими наполнено было несколько шкафов, причем на каждой фигурке был аккуратно наклеен билетик с №, соответствующим таковому же в описи, или, как называл старики, «инвентаре».

Печальная судьба постигла это любопытное собрание, на составление которого В. М. потратил столько последних сил. Старики скончался в одночасье, не оставив завещания. Наследников у него не было — он был безродный одинок, и утлы домик его, как водится, был опечатан со всем находившимся в нем имуществом. На беду случился рядом пожар, огонь перекинул и на жилище покойного В. М. Так и погибли все его куклы...

Это была, конечно, только печальная случайность. А вот припоминается мне судьба другой коллекции, уже не кукол, а драгоценнейших памятников нашей древней письменности, погибшей также в огне, но не случайно, а умышленно, вследствие невежества и варварско-злобной мстительности наследников самородка-коллекционера...

Прекрасно помню я 80-летнего старика К. Г. Р-а. Всегда в длиннополой «сибирке», как лунь, седой, но еще бодрый—это был типичный представитель стариинного купечества. Нажив был значительные средства, он решил «подумать о душе», пожить на покое и удалился из города в родное село в верховом Поволжье. Придерживаясь старообрядчества, он еще в молодых годах полюбил читать «древле-письменные» книги и под шумок собирали их везде, где только мог. Каждый год К. Г. ездил по делам с хлебом в низовые губернии и кажд-

дый год привозил оттуда то два, а то и три лубяных короба с книгами; скупал он «письменные книги» и у «своих» в ближних городах и селах и делал это так, что все оставалось шито икрыто. Да надо заметить, что в те времена это было и необходимо, иначе как раз можно было угодить туда, «куда Макар телят не гонял». Понемногу у Р-а собралась большая рукописная библиотека, в которой было немало книг «в лицах», т.е. с лицевыми изображениями или рисунками. Были тут и «харатейные» книги, т.е. писанные на пергамене. Последних значительно прибавилось после того, как К. Г. совершил из любознательности путешествие на Афон. При этом он из конца в конец прошел славянские земли, побывал во многих древних монастырях и вот там-то и достал с десяток древних «харатей». К ним он прибавил еще несколько рукописей на Афоне. «За грош я у монахов книги-то покупал, — сказывал мне он, уже глубоким стариком, — да и не жалею: они там пропадали...».

Когда К. Г. перебрался на жительство в деревню, он перевез с собою и все свои сокровища, разместив их в верхнем этаже просторного, вновь отстроенного дома, где у него было и нечто вроде «моленной». Старик весь отдался своим любимым книгам и, как это нередко бывает и с нашими учеными-специалистами, совершенно отдалился от жизни и ее требований. На беду у него было два сына. Кое-как обученные грамоте, в городе эти сынки еще были при деле, т.е. сидели у отца в лавке, но с переездом в деревню и прекращением торговли, они превратились в настоящих «лоботрясов» — втихомолку развратничали, пьянизовали и не могли дождаться, когда умрет отец. Старик был скуповат и снабжал их деньгами, как говорится, в обрез, только на необходимое, в то же время не жалея денег на покупку рукописей, за поисками которых он время от времени отправлялся в далекие поездки. Надо сказать, что Р. все свои приобретения по книжной части держал в тайне, он редко кому рассказывал о них, да и в библиотеку свою допускал только двух-трех «душевных» приятелей-начетчиков, так что о его драгоценном собрании знали весьма немногие. Однако же от сынов он не уберегся: они каким-то путем узнавали о покупках и злились без меры, но сказать не смели ни слова, ограничиваясь жалобами на стороне. Помню, как-то я зашел к Р-у. В чистенькой кухоньке, в нижнем этаже дома, я застал только сынов в компании с волостным писа-

рем и урядником. Общество было уже сильно навеселе — очевидно, старики не было дома. Я, тем не менее, спросил о нем у большака.

— Нету его, — ответил мне он с кривой усмешкой, кладя на лавку гармонику-черепанку, на которой только что наяривал какой-то залихватский мотив. — За книгами опять поехал!.. Ну, да пусть его возят. Все одно, время придет — все сожгу. Печей-то у нас в доме немало...

Общество встретило дружным смехом эту похвальбу, а я поспешил уйти. Грубые слова большака Р-а показались мне одной из тех пустых угроз, какими часто разражаются пьяные люди, и я не придавал им никакого значения. Однако оказалось, я ошибался: «сынки» выполнили свою угрозу... Старик Р. мало думал о смерти и потому не торопился с завещанием. А между тем смерть была не за горами. С год спустя после только что описанного неудачного моего визита к Р-у (в начале 80-х годов) он, пропустившись подряд четыре дня на первой неделе Великого поста, поехал в город. Дорогой старик совершенно ослаб и, вернувшись домой, отдал душу Богу... Сынкам досталось все его значительное состояние. Они же унаследовали, конечно, и всю движимость, в том числе и книги. Вот на них-то они выместили всю накипевшую ненависть к отцу, благо, помешать им было некому: никого из «душевных» старика (он так называл своих немногих друзей) в то время не было поблизости. Было устроено настоящее аутодафе неоцененного собрания... «Больше недели мы печи-то книгами топили», — похвалялся мне большак, когда я месяца через два после смерти старика наведался в его дом, чтобы узнать о судьбе библиотеки. «Чуть деревню не спалили однова, как пепел начало из труб выкидывать. А иные книги на коже, что ли, писанные и горели-то плохо: стопорщится вся, развернется, а не горит. После, как уж доняло огнем-то, вонь пошла, будто свиней палили...»

Этот возмутительный рассказ сопровождался диким хохотом: варвар, очевидно, радовался своему жестокому делу. Не помню, как я вышел из гостеприимного когда-то для меня дома Р-а. Не помню, как приехал домой, — такое горе наполняло мою душу... Да и было о чем горевать: ведь погибло (и как погибло!) собрание драгоценнейших памятников, неиссякаемый материал для науки...

Я привел только два случая гибели частных собраний. А сколько их погибло и гибнет безвестно, расходится по рукам «барышников», попадает в лом, в макулатуру и проч. Сколько бесследно пропадает библиотек, больших и малых, на всем необъятном пространстве нашей родины... Какая масса интересных в бытовом отношении предметов старинной обстановки, утвари, предметов культа, икон, крестов и проч. уничтожается по глухим деревням и селам невежественными руками... Да, давно пора нам проснуться—и больше дорожить родной стариной... Впрочем, в своем месте я поведу об этом речь пространнее; теперь же буду продолжать свои воспоминания об известных мне собирателях и сокровищах, да кстати расскажу и о судьбе нескольких случайных хранилищ старины, которые могли бы значительно пополнить наши музеи, если бы... Но опять-таки об этом речь впереди.

В самом начале своего очерка я упомянул о коллекции серебра некоего С-ва, до недавнего еще времени хранившейся у его наследников.

Этот коллекционер начал собирать серебро в начале прошлого столетия и с увлечением коллекционировал до знаменившегося пожара Апраксина рынка в Петербурге—одного из главных мест, где он производил свои поиски. Бог весть, насколько С-в понимал в искусстве. Первоначально он был закладчик старого покрова и давал деньги под залог всевозможных вещей. Больше всего попадало к нему серебра и особенно старинной домашней утвари—так называемых «судов» XVII и XVIII столетий, которыми мало дорожили в прежнее время. Многие из этих предметов, не выкупленные в свое время, остались у закладчика С-ва и составляли ядро будущей богатой коллекции. Как случилось, что С-в в конце концов заразился страстью коллекционирования,—я не знаю, но несомненно, что он начал везде, где только мог, скупать старинное серебро и притом главным образом русское: об этом свидетельствует виденная мною его коллекция, составленная и даже описанная с большим толком. Подтверждают это и рассказы его наследников, сообщивших мне, что он со страстью отдавался коллекционерству и в последние годы жизни (в начале 60-х годов) платил за особенно выдающиеся предметы большие деньги.

Я упомянул уже, что видел это собрание в удаленной от центров глухой усадебке, купленной С-вым незадолго до сме-

рти. Серебро помещалось в одном огромном шкафу, обитом внутри сукном. На выдвижных полках с невысокими бортиками расставлено было около 350 предметов. Тут, между прочим, были великолепные братины различной работы,—чеканные, с эмалью, с надписями и без них, много жалованных ковшей, удивительно оригинальных и красивых ковшиков, чарок, кубков, стоп, стаканов и проч. Особенно памятны мне две великолепные яшмовые братины, обложенные серебром с эмалью и с польскими надписями по венцам. Это были по тонкости работы и оригинальному изяществу орнамента, без преувеличия сказать,—шедевры серебряного дела.

Тут же в русскую коллекцию каким-то образом попало несколько вещей старой итальянской и французской работы. Это две чаши и кубок—вещи сами по себе прекрасные и несомненно редкие по тонкости и изяществу работы, но они, тем не менее, являлись как бы пятном в общей массе наших старинных «судов».

Несколько подобных описанным вещей, кроме государственных хранилищ, мне случилось видеть лишь 40 лет назад в Рыбинске среди имущества, распродавшегося после смерти некоего купца Попова его женой, полуумной старухой Анной Алексеевной. Кстати, скажу несколько слов об этом имуществе, представлявшем собою нечто вроде случайного собрания всевозможных вещей—от картин, гравюр и книг до столярных инструментов. Попов в прежнее время, как уже знакомый нам С-в, ссужал деньгами под залоги помещиков и купцов, не пренебрегая никаким обеспечением: он принимал и фарфор, и оружие, и столовые часы, и все, что хотите. Кроме того, он, оставив крупное промышленное дело (бумажную фабрику) и поселившись в Рыбинске, стал скупать все, что попадалось, по дешевым ценам. Как крот, таскал он все это в свою нору—одноэтажный деревянный домик, построенный на земле одной из городских церквей и завещанный им этой церкви, и прятал что на чердаке, что в сарайах, а что и в комнатах своего жилища. Для кого и для чего он делал это—неизвестно. Человек он был нелюдимый: не пускал к себе никого и сам ни к кому не ходил и жил вдвоем с своей забитой полуидиоткой-женой словно в крепости: всегда с запертymi дверьми и воротами. Когда Попов умер, его жена, торопясь очистить дом, отказаный церкви, приступила к продаже всего

имущества. Вот в это время мне и случилось видеть это оригинальное собрание. Чего тут только не было! И цельный шкаф старинного оружия, где наряду с драгоценным арбалетом помещалась алебарда прежних будочников, и медные, никуда не годные, проржавевшие кастрюли, и чудное художественное серебро (четыре старинных жбана, две кружки и несколько нюренбергских кубков), редкая мебель, фарфор, гравюры, рукописи, рисованные «поморские» листы, книги, самая обыкновенная сбруя, столярные инструменты, Нортоновские часы, миниатюры на кости, множество портретов и целая масса всевозможных других вещей, до старинных кружев и тончайших русских вышивок и богатейших бриллиантов. Народу собралось на эту распродажу множество. Мне хотелось приобрести кое-что из книг, гравюр и серебра, но думалось, что еще поспею, и я уехал на несколько дней домой. Вернулся я через два дня, но уже не застал ничего заслуживающего внимания, все сколько-нибудь путное было распродано. Между прочим, я узнал, что старинные жбаны, кружки и кубки купили татары на вес, что-то по 12 коп. золотник, якобы потому, что серебро на них оказалось «низкое», без пробы. Шкаф с оружием пошел весь за 15 рублей; книги и рукописи также были проданы за бесценок...

Имущество Попова надо отнести к случайным собраниям, если только можно назвать собранием сброд всевозможных вещей—и редких, и наряду с этим не имеющих никакого значения, уместных только разве в лавке торговца старым железом. Но ведь Попова нельзя назвать коллекционером: я уже сказал, что это был крот, все без разбора стаскивающий в свою нору. Не таков был Иллиодор Николаевич Мельницкий, живший поблизости от станции Брусово Рыбинско-Бологовской жел. дор. Это был страстный коллекционер, преданный своему делу до самозабвения и собиравший решительно все, что носит на себе признаки старины или оригинальности. Однако же и в его собрании много общего с «брюк-а-браком» Попова, и виною тому, конечно, прежде всего отсутствие понимания в искусстве и способности определять достоинство и значение вещей. При всем том в «коллекции» Мельницкого, занимавшей все его жилище (длинный, низменный дом, комнат в 8), находилось немало интересных и ценных предметов. В семье ведь не без урода.

Кстати, скажу несколько слов о коллекционере из купцов —Петре Ивановиче Гундобине. Он начал собирать, живя еще в городе Шуе, затем перебрался для торговли в Рыбинск и там продолжал излюбленное дело. Главной целью его поисков были старинные кресты—тельники, древние панагии, а также старинные серьги, перстни и пр., но попутно он не брезговали монетами, жетонами, масонскими значками, а также старинной серебряной утварью и иконами. Все собрание его досталось после его смерти его жене, вышедшей вторично замуж и вторично овдовевшей. Помню, я услыхал о том, что она не проплыла продать свои редкости, и явился к ней не столько с целью что-нибудь купить, сколько из любопытства. В гостиной указали мне как перл всей коллекции огромную и притом необычайно безобразную картину—какой-то ужасающий пейзаж с надписью на таблетке: «Вуверман» (через ять). Я сразу получил печальное представление о собрании Гундобина, но оказалось напрасно: «Вуверман» был только печальным исключением,—остальные вещи приходилось признать все прекрасными и интересными, а коллекция крестов являлась, пожалуй, даже единственной в своем роде по редкости некоторых составлявших ее экземпляров. Среди старинных икон две: «Символ веры» и «Страшный суд» оказались столь тонкого письма, что я долго не мог от них оторваться. И вот подите же! Гундобин не был ученый коллекционер, а простой старозаветный купец, без всякого образования и едва грамотный.

Вообще, любительское коллекционерство иногда весьма толковое, я утверждаю, не составляет исключительной принадлежности образованных классов. Мне известно несколько собирателей-крестьян, только грамотных и, тем не менее, коллекционировавших по разным отделам с большим толком и пониманием. Между прочим, знал я в далекой лесной деревеньке Арефинской волости Рыбинского уезда Скородумке некоего Кисленкова, собиравшего рукописи и старопечатные книги. Его библиотечка была невелика, но очень интересна, так как ее составляли не служебные книги, а учительные и так называемые беседные. Были у него, помнится, прекрасные лицевые списки «Александрии», «Козьмы Индикоплова», «Предивной науки Раймунда Людия»; лицевых Апокалипсисов было несколько и в лист, и в четверку—исключительно древних редакций (до половины

XVII века). Но перл собрания составляли: лицевая толковая Псалтирь XV века и лицевой же «Хронограф», или «Гранограф» («грань - убо — начальство, граф-же — описание», объясняют составители этой книги в одной из ее редакций), подобных которым я не видел ни в одной из коллекций. Другой крестьянин Николай Никифорович Порфириев в городе Горбатове также собирал рукописи и старопечатные книги. Его, вероятно, помнят многие—он скончался лет 25 тому назад. Это был страстный коллекционер, иногда поторговывавший рукописями, но имевший в своей библиотеке и заветные вещи, которых он не соглашался уступить ни за какие деньги. Все собрание его состояло приблизительно из 2-х тысяч №№, из которых большую часть составляли рукописи. Остальная часть были старопечатные книги. Какая судьба постигла эту библиотеку—не знаю. Одну рукопись, весьма замечательную—древнюю «Палею» на бомбицине, как мне известно, купил один из наших ученых, покойный профессор Ельпидифор Васильевич Барсов и, к счастью, рукопись эта вместе с остальным его собранием ранее кончины собирателя приобретена была в библиотеку Академии Наук. Да не упрекнут меня в том, что я привожу здесь только самые краткие сведения об известных мне коллекциях, почти совсем не давая описания их состава. Оговариваюсь заблаговременно: цель настоящего очерка не ученое, подробное описание коллекций и библиотек, а лишь общая картина собирательского дела (пусть другие скажут безделья) вне больших центров и столиц, картина, могущая показать, какое множество интересных предметов и рукописных памятников находили да, несомненно, могут найти и теперь любознательные, дорожащие стариной люди. Этот вывод, равно как и необходимость немедленно, пока еще не поздно, организовать на широких началах общество охранения памятников родной старины, думается мне, подтвердит еще более рассказ о моих экскурсиях для поисков старинных предметов быта и искусства, приводимый ниже. Ранее, чем приступить к этому рассказу, считаю нужным закончить свои воспоминания о малоизвестных собирателях и коллекциях.

Среди крестьян я встречал не только любителей «древлеписьменных» и старопечатных «отеческих» книг (как они называют), но и любителей эстампов и рисунков, соби-

равших, может быть, несколько односторонне, но все же по этому отделу. В той же деревне Скородумке, где подвигался когда-то Кисленков, собрание которого, к слову сказать, после его смерти, книжка по книжке растащили «свои» (был он старообрядец поморского согласа), — жил довольно состоятельный крестьянин Н. Молва сильно преувеличивала его средства, называя его богачом. Поговаривали, что во время жизни «у хозяина» в Питере он путем, не одобряемым законом, где-то на пожаре овладел ящичком с империалами...

Вот этот-то Н., к которому судьба забросила меня как-то летом после целого дня охоты, оказался собирателем рисунков и эстампов. Войдя в его просторную, о трех жильях, избу, я увидел, что все стены, чуть не от потолка завешаны какими-то картинками. Привычка старого собирателя рассматривать все, что бы ни попалось, заставила меня остановиться перед одной группой картин на передней стене (развешаны они были не подряд, а особыми группами—«гнездами», как говорил хозяин избы), и я с удивлением увидел целую коллекцию известных раскрашенных Теребеневских карикатур 1812 г.

— Откуда это у вас? — спросил я хозяина избы.

— Покупал, батюшка, по времени. Что делать! Люблю я эти пустяки-то, — много их у меня...

— Где же вы их покупали? Ведь такие рисунки попадаются редко...

— Знамо, не часто. Надо знать, где найти...

— Ну, где же вы-то находите?

Н. улыбнулся как-то таинственно, и по этой его улыбке я сразу узнал любителя-коллекционера. При дальнейшемзнакомстве с ним я убедился в этом вполне: Н. со страстью собирал «политические» карикатуры, а также «поморские листы» всевозможного содержания. Часть собрания он вывешивал в рамках на стенах, другую же часть, несравненно большую, держал в двух специальных ящиках, перекладывая каждый лист бумагой. Все вывешенные листы он группировал, как он сам называл, «гнездами». Так, карикатуры 1812 года составляли «гнездо о французе». Подобным же образом группировались и поморские листы, подразделявшиеся на несколько «гнезд». Помню, тут были «гнезда»: «похвалы отеческие»—т. е. все, что относится к прославлению расколоучите-

лей; «оказательства правой веры», «старцев православных», «златых словес» и проч. Одной группы, которую Н. именовал «сердце человеческое», — я не понимал: на листах, сюда относящихся, были изображены различные сцены соблазна людей дьяволом, изображенным на каждом листе различно: то в виде маленького коричневого чертика с коротким, щегольским хвостом, то в виде какого-то ярко-красного чудовища с песьей головой и торчащим изо рта огромным языком, то, наконец, худого и длинного, с виду меланхоличного черта с печально опущенным, как у побитой собаки, хвостом. В одной из групп видел я баснословных птиц Сирина и Алконоста, богато расписанных золотом, в другой — целую большую картину с подписью «Поезд века сего»: на колеснице, запряженной четверкой лихих коней в богатой сбруе, едет несколько дам в ярких платьях с утюрированным декольте и в необычайных шляпах с необычайными цветами. Рядом с ними восседают с кубками в руках какие-то развеселые молодые люди в голубых и красных кургузых фраках и с цилиндрами на головах. На козлах сидит, вместо кучера, огромный коричневый черт, который направляет колесницу к виднеющейся бездне, откуда языками бьет пламя и среди него выставляется голова змия с жадно раскрытым пастью... Помню, еще в этой коллекции поразили меня оригинальностью рисунка виды «Выго-Лексинской св. обители» и еще каких-то, теперь уже не помню, каких именно, монастырей. Полюбовался я еще на «клисти российского» танца смерти, изображающего могущество смерти в необыкновенно наивной композиции. На первом из этих листов изображен человек босой в рубахе с расстегнутым воротом, без шапки, идущий по полю с огромным ситеевым, висящим на шее. Внизу подпись: «Ов пшеницу сеет». На другом листе — мужик, молящийся на коленях перед иконами. Подпись: «Ов молитву деет». Третий лист: на троне в золотой шапке, с державой в руке сидит царь. Подписано: «Ов же власть имеет». Наконец, на четвертом листе: сеятель, богомолец и царь лежат бездыханны, а над ними смерть в виде скелета в золотой короне и с косой в руке. Здесь подпись гласит: «А смерть всеми владеет». Все эти четыре листа были превосходной иконописной работы и богато разукрашены по полям вычурными орнamentами с золотом. С большим вниманием рассматривал я еще 12 рисованных листов «Деяний премудрого Езопа» также со славянскими подписями

ми и оригинального иконописного рисунка, совсем не похожего на известный старинный лубок.

В общем эта своеобразная коллекция показалась мне весьма любопытной, и, признаюсь, я сделал попытку приобрести у Н. некоторые из поморских рисунков. Но он не хотел и слышать о продаже хотя бы одного листа. Впрочем, чтобы несколько смягчить свой отказ, оригинальный коллекционер пообещал известить меня, если он когда-либо надумает продать свое собрание.

Прошло около десяти лет. Как-то летом, приехав в наши края, я осведомился о Н. и узнал, что он умер недели три спустя после смерти своей жены. Случилось это вскоре после того, как я осматривал его собрание. О последнем никто не мог дать мне никаких сведений. Я предчувствовал, что опоздал, но все же послал разведать обо всем подробно одного из своих добровольцев-помощников по коллекционерству. Посланец привез мне весьма неутешительные вести: какие-то дальние родственники Н., унаследовавшие его дом со всем содержимым, во всей коллекции придали значение только одним стеклам, которые повынимали из рам и продали вместе с домом компании «кореляков», переписавшихся в деревню. Рисунки же исчезли бесследно: часть их была отдана ребятишкам и, конечно, уничтожена ими, а часть взята местным сотским и продана за несколько копеек на базаре в с. Арефине.

Может быть, некоторых из моих читателей удивит, что я в своих воспоминаниях рассказываю почти исключительно о собраниях, которые постигла печальная участь. Я должен сознаться, что делаю это не без цели: во-первых, я вовсе не за даюсь мыслью дать описание всех существующих и существовавших коллекций — это составило бы огромный труд, на который я вовсе не претендую, а во-вторых, основная цель моей настоящей работы — наглядными примерами заставить всех, кто любит родную старину и искусство, всеми мерами позаботиться о спасении того, что еще можно спасти. Однако я опять отвлекаюсь от своего «повествования». Буду продолжать его, вкратце рассказывая об известных мне коллекционерах.

В Арефинской волости до сих пор еще здравствуют потомки собирателя-крестьянина Григория Минича Минина. Это был богатый старообрядец, человек, пользовавшийся большим

влиянием в среде своих единоверцев. Если не ошибаюсь, лет 60 назад ему случилось купить в одной из арефинских деревень несколько интересных «беседных» рукописных книжек. Это послужило началом его деятельности как коллекционера. Вскоре после того «свои» не только в Арефинской вол(ости), но и в соседнем Романовском уезде, узнали Григория Минича и стали охотно продавать, отдавать и отказывать ему рукописные книги. Благодаря этому, а также и влиянию богатства, собрание Минина вскоре же приобрело значительные размеры. Среди составлявших его рукописей было много чрезвычайно интересных. Между прочим, там находилось несколько лицевых списков, а среди них чудесный Апокалипсис с тончайшими миниатюрами. Лицевых Апокалипсисов в этом собрании, впрочем, было несколько. Я отмечаю из них только один, как имеющий наибольшее значение. Покойному Ф. И. Буслаеву он не был известен. Подобное же собрание рукописей находилось верстах в 20-ти от Арефина, в одной из деревень близ села Старо-Андреевского, или Шаготи, одного из центров старообрядчества. Принадлежало оно также крестьянину, долгое время собиравшему рукописи во всей этой окружности, чрезвычайно богатой рукописными памятниками. Не могу не упомянуть здесь, кстати, о замечательном лицевом синодике Никольской Шаготской церкви, с которым любезно ознакомил меня ее ныне покойный настоятель о. Николай Полетаев. Синодик этот весьма древнего происхождения с многозначительными превосходными миниатюрами апокалиптического содержания, как видно из надписи в клейме заглавного листа, был начат помянными записями в первой половине XVI века и был исполнен по заказу князя Буйносова-Ростовского, от которого и перешел впоследствии к его наследникам Голицыным.

Шаготская церковь, сама по себе, представляла собой, а если она уцелела до настоящего времени, то представляет и ныне один из весьма интересных памятников старинной деревянной архитектуры. В ней я видел, между прочим, древнее резное изображение Николы Можайского, окованное кругом посеребренной медью.

Я упомянул о нескольких собраниях рукописей—собраниях, известных мне почти исключительно в двух только уездах —Рыбинском и Романовском и принадлежащих отдельным лицам. Теперь расскажу о коллекциях, так сказать, «общест-

венных», принадлежащих и собранных целыми сектантскими корпорациями. При этом, по весьма понятным причинам, я не буду указывать их местонахождения даже инициалами.

На одно из таких «общественных» собраний мне пришлось натолкнуться совершенно случайно. Был я как-то в одном из уездных городов в верхнем Поволжье. На базаре встретился мне старик, не то нищий, не то странник: оборванный донельзя, но подпоясанный монашеским широким ремнем и в каком-то полумонашеском колпачке, с посошком в руке и с kleenчатой котомкой за плечами, он привлек мое внимание своим типичным «иконописным» лицом с живыми и веселыми темно-кариими глазами. Когда я поравнялся с ним, он протянул мне ладонью вверх руку и попросил «копеечку». Я понул мне ладонью вверх руку и пошел было дальше. Вдруг сзади меня послышались крики и шум борьбы. Обернувшись, я увидел, что старик, подняв посох, посыпал проклятия вдогонку со всех ног улептывающему полуоголому зимогору. Толпа кругом громко хохотала. Оказалось, что один из оборванцев, всегда во множестве шляющихся по базару, заметив, что я дал старику серебряную монету, незаметно подкрался к нему и, быстро выхватив ее у него из руки, пустился что есть духу бежать. Полиции поблизости не было, и смелый грабитель быстро скрылся в толпе. Надо было видеть огорчение старика... Лицо его, до того веселое, теперь как-то потускнело, он плакал горькими слезами, повторяя:

— Ах, проклятый! Ах, он мошенник!

Меня он теперь не замечал, хотя я стоял от него в двух шагах. Что-то детски беспомощное было в этих жалобах, и мне стало жалко старика. Осмотревшись, нет ли поблизости еще какого-нибудь из базарных удальцов, я протянул ему гривенник... Он весь как-то необыкновенно быстро просиял, с улыбкой вытер слезы и тщательно убрал деньги в карман...

— Батюшка! Кормилец! — обратился он затем ко мне. — Бог тя спасет! Постой же и я тебе услужу... На-ко-сь, вот тебе! — и он, вытащив из-за пазухи маленькую-маленькую книжку в кожанном желтом переплете, подал мне ее на раскрытой ладони. Смотрю, — «святы» тончайшего бисерного поморского письма с разукрашенными золотом и яркими красками заставками и возглавлениями, с искусно рисованными знаками Зодиака в конце каждого месяца.

— Продаешь, что ли, дед? — спросил я старика, продолжая

любоваться красивыми миниатюрами.

— Чего, кормилец, продавать, так возьми за свою ласку...

Однако я дал ему за книжку трешницу, и надо же было видеть его восторг. Сначала он как будто не поверил своему счастью и оторопел, а потом засыпал меня изъявлениями горячей благодарности.

Я расстался со стариком и скоро забыл о нем. Год спустя, летом, случилось мне проезжать мимо деревни, известной тем, что из нее вышел один из основателей секты странников или «бегунов». Деревня эта очень небольшая, всего дворов пять, с коренным населением душ в 20. Стоит она на красивом пригорке, как говорится, на юру, а кругом ее раскинулись во все стороны прекрасные скатистые поля. Помнится, во время жатвы на этих полях я видел очень много народа и удивлялся, что незначительная деревня дает столько рабочих рук. Один из местных крестьян вывел меня из заблуждения, объяснив, что это все «странники»...

— Инорядь придишь в деревню-то,—рассказывал он мне, — и человека не дозвошься: старики да старухи с ребятами, а то, глядишь, полезут один за другим мужики и бабы, и наберется народу столько, что под стать хоть бы и большому селу. И народ все не наш, не здешний... Тут под каждой избой жилые подвалы.

Вот мимо этой-то деревни я и ехал в погожий августовский вечерок. Дорога пролегла стороной и тотчас за оконицей поднималась на пологий пригородок. С любопытством смотрел я на деревенскую улицу, надеясь увидеть какого-нибудь «бегуна». Но кругом не было ни души. Только впереди виднелась какая-то одинокая фигура, спускавшаяся к деревне с горы... Скоро экипаж мой поравнялся с путником. Всматрившись в него, я сразу узнал старика, подарившего мне маленькие «святцы»: те же карие живые глаза, тот же полумонашеский колпачок на голове, только одет он был на этот раз не в рубище, на плечах его был опрятный длиннополый кафтан, напоминавший подрясник. Я велел остановиться и подошел к своему случайному знакомцу. Старик сначала не узнал меня, но потом, когда я напомнил ему нашу встречу на базаре, очень обрадовался. Не буду передавать здесь нашей беседы; это было бы неинтересно. Скажу только, что серьезная замкнутость, с которой он сначала отвечал на мои вопросы, скоро заменилась полной откровенностью, и он рассказал мне, что с

неделю, как пришел сюда с «низу», и теперь находился в деревне почти один: все население ее отправилось на «собор» верст за пятнадцать. В конце концов, когда разговор наш, коснувшись подаренных мне стариком «святцев», перешел на книги, он неожиданно предложил мне осмотреть «моленную».

— Там у нас всяких книг много: есть и «письменные» и «отечественные». Пишут у нас и новые,—мастера на это есть большие...

Разумеется, я не отказался от этого предложения, и мы, оставив лошадей на дороге, прошли в деревню. Там, действительно, никого не было. Только когда мы подошли к большой избе в два жиля (верхнее и нижнее), с приступочки у крыльца поднялись две древние старухи в долгорукавых рубахах. Они безучастно взглянули на меня и снова уселись, продолжая прерванную нашим приходом беседу. Пройдя просторные сени со множеством дверей, ведущих, вероятно, в чуланы, мы поднялись по лестнице на так называемую «поварить» и оттуда, наконец, проникли в помещение, носящее у крестьян название «горенки» и обитаемое только летом. Но «горенка», в которую мы вошли, отличалась от обычновенной, во-первых, своими размерами. Это была большая комната, аршин 12 длины и аршин 8 ширины. Затем здесь была вправом углу высокая изразцовая печь. Комната почти пополам была разделена стеклянной перегородкой, за которой я увидел целый ряд икон в блестящих окладах по полям и без них, с висящими перед ними лампадками.

— Не крестись (не крестись),—предупредил меня старик, отворяя дверку в перегородке.

Я принялся рассматривать иконы. Между ними было немало новых, работы мастерских и палеховских мастеров, но были и древние, необычного тонкого письма. Помню, мое внимание привлекали к себе строгановские складни с изображением двунадесятых праздников, обложенные великолепным сканьным убором. Тут же было несколько резных иконок из кости и аспидного камня, много древних тельников, врезанных в доски и проч. А справа, примыкая к перегородке, возвышался «Страшный суд», также древнего письма.

Долго рассматривал я иконы. Это был как бы специальный музей, только не описанный и не систематизированный, но в высшей степени интересный. Книг тут, однако, не виделось, не было никаких вместилищ—шкафов или ящиков, где бы они

могли находиться.

— А где же у вас книги, дедушка? — спросил я старика.

— Сейчас и до книг очередь дойдет, — ответил он и с этими словами откинул в сторону деревянный половицок. Под ним я увидел в полу закрытый люк с кольцом, совершенно такой, каким в деревенских избах прикрывается вход в подполье. Мой спутник взял неторопливо желтую восковую свечку, лежавшую на «аналойце», зажег ее от лампадки и приподнял за кольцо крышку люка. Передо мной открылась крутая с узкими ступеньками лесенка.

— Ну, пойдем, что ли! — проговорил старик, указывая мне на люк.

На минуту я остановился в нерешительности, подумав, не отказаться ли мне от этой экскурсии в темное подполье: Бог ведает, что за народ эти «бегуны». Ведь рассказывают же о них разные ужасы. Но при взгляде на невозмутимое лицо моего спутника мне стало стыдно моего страха, и я ступил ногой на первую ступеньку. Лесенка оказалась очень невысокой — я насчитал всего восемь ступенек и был уже на полу. Старик со свечкой следовал за мной. Мы очутились в обширном помещении без окон. У стены, около лестницы, стояла большая полка с книгами, рядом с нею — кованый большой сундук, а дальше большой некрашенный шкаф. Тут же виднелась небеленная лежанка — печь, кирпичная труба которой скрывалась в потолке. Дальше у стен виднелось еще несколько сундуков. На дверцах большого шкафа висели на гвоздиках кожаные рубчатые лестовки с двумя треугольниками на концах. Сундуки были прикрыты стеганными разноцветными подголовниками, которые женщины-старообрядки употребляют во время богослужений, при земных поклонах. Когда я осмотрел книги на открытой полке, оказавшиеся большей частью старопечатными служебными, изданными при патриархе Иосифе и Филарете, старик отворил шкаф. Глазам моим представились и тут ряды книг различного формата — листовых и в четверку, которые, по словам старика, все были «письменные». Я вытащил наудачу одну из них — смотрю: так называемые «Поморские ответы на вопросы иеромонаха Неофита» в превосходном списке с богатыми заставками и прекрасными рисунками перстосложения, крестов и проч. Другая рукопись, остановившая на себе мое внимание, был огромный том «Матвея Правильника», также прекрасного поморского письма. Я не рассмат-

ривал подробно всей этой рукописной библиотеки. Этому пришлось бы посвятить всю ночь, так как рукописями, как сказал мне старик, был занят не только шкаф, но и целый ряд сундуков, стоявших по стенам — но и того немногого, что я видел, было достаточно, чтобы сделать заключение о составе собрания. Тут я нашел пергаментный список «Мерила Праведного» — начала XV века, лицевую «Библию», такое же «Великое Зерцало», толстейший поморский «Сборник», наполненный исключительно словами литературного содержания. В нем, помнится, были: сказание о Мамаевом побоище, известная повесть о Савве Грудцыне, сказание о Щиле Новгородском, ряд старинных сказок и вместе с тем, к удивлению моему, житие протопопа Аввакума и проч. Всех рукописей в этом общественном собрании было, по словам старика, около 600. И все эти сокровища, равно как и иконы в моленной, наносили сюда в разное время доброхотные датели, сектанты-странники, находившие здесь временный приют. Не таким путем составлялись собрания икон и рукописей в большей части других известных мне моленных. Без преувеличения можно сказать, что каждая старообрядческая моленая, все равно, какой бы секте или толку она ни принадлежала, представляет собой нечто вроде древлехраннища или музея: там вы всегда найдете и древние иконы, и старопечатные книги, и рукописи, и даже образцы старинных материй и шитья на пеленах. Но почти все эти собрания составляют собственность отдельных лиц, а не целых старообрядческих сообществ. Последних я знаю только два: только что описанное, принадлежащее «странникам», или бегунам, и другое — в глухой лесной деревне в одной из губерний средней полосы, собранное старообрядческим обществом Федосеевского толка. Все другие моленные, какие я знаю, собирались при ревностной помощи адептов того или другого толка отдельными лицами, собственниками тех помещений, где моленные эти помещаются. Из таких собраний мне известны: в городе Рыбинске принадлежавшее известным лесопромышленникам братьям Дегтяревым. Затем в том же городе — собрание при моленой Кондратьевых и, наконец, Милютинское, принадлежавшее М. В. Милютиной и после смерти владелицы исчезнувшее неизвестно куда.

Во всех таких собраниях хранится много вещей и письменных памятников, достойных занять место в наших лучших му-

зяях и библиотеках, но едва ли их где-либо было столько, как в описанной мною моленой «бегунов» и в знаменитой когда-то моленой купцов-кожевников братьев Выжиловых в городе Угличе, запечатанной лет около 60 тому назад и потому, вероятно, сохранившейся до последнего времени. Приведу хотя краткое описание последней из этих моленных со слов лица, постоянно ее посещавшего.

Моленная эта помещалась на дворе дома Выжиловых в отдельном каменном здании и походила на церковь, только на верху не было глав, а внутри—алтаря. Стены и косяки окон моленной были расписаны. Между прочим, тут были изображения Параскевы Пятницы, Царевича Иосафа, а по углам, на печах,—семи вселенских соборов. По стене, против входа, находился иконостас, доходивший до самого потолка, со множеством лампад и тремя большими паникадилами перед иконаами. Иконы здесь все до одной были древние, в богатых золотых и серебряных окладах, с жемчугом и камнями. Перед иконостасом стояли три аналологии, и на них на положенных шитых пеленах также находились иконы. Книги в моленой находились почти исключительно старопечатные богослужебные. Все так называемые беседные книги, а также рукописи, которых была целая богатая библиотека, помещались у Выжиловых в доме и в «обители»—женском монастыре, занимавшем особое здание на том же дворе, обнесенное каменной оградой. Этот монастырь содержали Выжиловы на свои средства, при небольшой помощи богатого кашинского купца Ивана Алексеевича Сахарникова.

Я уже сказал, что моленная бр. Выжиловых весьма долгое время была запечатана, или, как говорят старообрядцы, «запечатлена». Произошло это событие—я разумею закрытие моленной—при следующих обстоятельствах. В начале 60-х годов в Угличе скончалась богатая купчиха—старообрядка Анастасия Анисимовна Козлякова. Хоронили ее, конечно, свои и по своему обряду, но с необыкновенной торжественностью: гроб, за которым несли свечи в серебряных больших подсвечниках в сопровождении нескольких старцев-отцов, провожала тысячная толпа старообрядцев с пением. По пути в одной из церквей ударили в набат... Разумеется, сбежался народ и произошел беспорядок. Об этом было донесено в Петербург, и вскоре последовало распоряжение о закрытии и запечатании моленной. В то же время был закрыт и женский

монастырь, а сами владельцы моленной братья Иван и Михаил Васильевичи Выжиловы были заключены в тюрьму. Михаил Выжилов не пережил этого позора и умер в заключении. Не столь крупным, как Выжиловы, но все же значительным собирателем старины был известный в свое время старообрядческий уставщик и начетчик кимрский сапожник Синцов. У него также была моленая с богатым собранием древних икон, старопечатных книг и рукописей. Какая судьба постигла эту коллекцию—мне неизвестно.

Чтобы закончить с перечислением известных мне старообрядческих собраний, мне осталось упомянуть о моленой Трутневых в городе Романове-Борисоглебске и о коллекции икон и рукописей Ивана Федоровича Елисеева в деревне Стасоселье, близ города Рыбинска. Моленную Трутневых я застал уже в полном упадке: лучшие иконы из нее и все до одной книги были уже распроданы обедневшими владельцами. Не знаю, впрочем, бедность ли заставила их прибегнуть к этой распродаже. Когда я приехал к Трутневым, я застал их в не совсем опрятной квартире нижнего этажа их огромного каменного дома, занятого жильцами. В квартире двух стариков братьев я увидел целый садок всевозможных птиц... Воздух здесь был ужасный, и я был рад, когда мы пошли в моленную, которая помещалась в самом верху. В «иконостасе» было уже много пустых мест, но, несмотря на то, что все лучшее, видимо, было выбрано, я нашел в укромном уголке древний Денисус в прекрасных складках с финифтяными венчиками. По рассказам стариков Трутневых, моленая, собранная их «родителями», считалась одной из первых по богатству и древности икон. Книг при ней, печатных и рукописных, было до 1000.

Трутневская моленая была не единственной в г. Романове: лет 45 назад там были распроданы старопечатные книги и рукописи из моленой купцов Новиковых. К сожалению, я почти ничего не могу сказать о составе этого собрания. Знаю только, что некоторые из книг пошли за большие деньги и что в числе старопечатных изданий находилось Евангелие со скрепою по листам, сделанною собственноручно царем Михаилом Феодоровичем.

Однако пора покончить с перечислением собраний, рукописей и книг при старообрядческих моленных, большинство которых, как я уже заметил ранее, являлось чем-то вроде маленьких музеев, коллекционирующих рукописи и древние об-

разцы русской иконописи. Моленные—это, так сказать, уже общественные учреждения. Более редкое явление представляют коллекционеры-крестьяне. Их небольшую галерею считаю необходимым пополнить еще одним небезынтересным типом..

Это умерший лет 25 назад крестьянин Иван Федоров Елисеев, живший в деревне Староселье, верстах в 6-ти от Рыбинска. Прослужив всю жизнь приказчиком у знаменитых во всем Поволжье владельцев Рыбинской моленной, лесопромышленников братьев Дехтеревых, он пригляделся к древлеписьменным книжкам, которые так часто покупали, иногда за большие деньги, его хозяева, и получил к ним особый вкус, заставивший его, как он сам признавался, «искать их поиском». Успеху Ивана Федорова в деле собирания рукописей и старопечатных книг много способствовало его обширное знакомство в старообрядческом мире, и через небольшой сравнительно промежуток времени у него образовалось довольно ценное собрание письменных и печатных памятников разнообразного содержания. Вместе с тем собирались и иконы, конечно, исключительно древнего письма. В конце концов, когда мне случилось быть у Елисеева, его маленький домик представлял собою миниатюрное подобие музея: по стенам—поморские листы, за особой стеклянной перегородкой—множество древних икон и, между прочим, чудный древнего шитья образ Успения Богородицы, всюду рукописи и редкие старопечатные книги.

Я мог бы еще долго перечислять известные мне частные собрания и библиотеки, но боюсь наскучить читателям и перенести к воспоминаниям о своих поездках с собирательскими целями в разные глухие углы нашей родины. Может быть, этим путем мне удастся наглядно доказать, как еще много по нашим градам и весям уцелело разнообразных художественных, бытовых и иных памятников, достойных хранения если не в государственных музеях, то в столь многочисленных теперь частных собраниях, и как много может сделать человек, задающийся целью спасать от всеуничижающего невежества и роковых случайностей все, что может послужить для науки и искусства.

Публикация МАРГАРИТЫ ОДЕССКОЙ.

От редактора. Евгений Николаевич Опочинин—старый русский писатель (1858—1928), автор более чем тридцати книг, множества газетных и журнальных публикаций. Писатель, историк, театровед, журналист, коллекционер, фольклорист, Евгений Николаевич более всех из рода Опочининих написал и издал.

Дружба с Ф. М. Достоевским, Я. П. Полонским, А. П. Милюковым подарила нашему земляку глубокое знание литературных кругов того времени, огромные сведения о писателях своего века. Впоследствии Опочинин сделал серию прекрасных литературных портретов своих современников — людей русской литературы.

Очень много писал он и о простых русских людях. Предлагаемый сегодня очерк Е. Н. Опочинина, написанных более полувека назад, был недавно опубликован в журнале «Наше наследие» (номер четвертый за 1990 год).

Разыскала в архивах этот интересный очерк московский литературовед Маргарита Одесская. С ним и другими материалами она и приехала на наши чтения.

РОДОСЛОВНАЯ ДВОРЯН СКРИПИЦЫНЫХ

...Мне казалось, что у старого русского писателя Евгения Николаевича Опочинина родной ему город Мыскин всего живой отразился в рассказах, и особенно строками рассказа «В городке». Но, увидав в 4-м номере «Нашего наследия» незнакомую нам работу Опочинина «Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины», я сразу загорелся надеждой встретиться в ней если не с Мышиным, то с мышиными.

Даже первые строки предисловия меня в этой уверенности утвердили, в них уже говорилось о Мышине, его библиотеке, ее создателе Федоре Константиновиче Опочинине, родственнике писателя.

А потом я был и вовсе сверх меры вознагражден за свои надежды. Прекрасный отрывок о старинном мышинском коллекционере Валериане Михайловиче Скрипицыне остановил мое внимание надолго. Признаюсь, дочитал работу Евгения Николаевича лишь через неделю. А до этого трижды возвращался к отрывку о Валериане Михайловиче.

Почему так? Потому что передо мной, уже немолодым краеведом, вдруг открылось еще одно оконце в старый, ушедший Мышин, ожил еще один из колоритнейших его персонажей, а главное, этот отрывок оказался написан очень по-мышински, родство писателя с нашим городом сказалось и в содержании, и в интонации повествования.

И мне очень захотелось в день краеведческих чтений сказать еще несколько слов о Скрипицыных, коренных здешних дворянах, вдруг благодаря Маргарите Михайловне Одесской и знаменитому русскому журналу воскресших из, казалось бы, безнадежного забвения.

Дворяне Скрипицыны ведут свой род от угличских детей боярских, носивших эту фамилию еще с XVI века. На грани XVI—XVII веков нам известен Иван Скрипицын, живший в Угличе, ему принадлежали три пустоши в Кацком стане, значительная часть которого сейчас входит в Мышинский район.

В начале XVII века есть упоминание об его сыне Иване. По отдельной выписке губного старосты Семена Болотеина за Иваном Ивановым Скрипицыным числятся в Кацком стане (расположенном по нынешней реке Кадке) земли и деревни.

Какие это деревни, удастся выяснить несколько поздней.

Под 1665 годом встречается третий известный нам Скрипицын, сын Ивана Ивановича, это Савелий Скрипицын. Упомянут тогда и дядя Савелия Ивановича «Данила, помещик Невзоров, сын Скрипицын».

В Угличских актах все они упоминаются среди отставных детей боярских. Как мышинскому краеведу, мне любопытно было уточнить, чем же и где в нашем крае владели эти довольно давние представители местного дворянского рода. По материалам Временика Демидовского Лицея это удалось сделать быстро. И если названия пустошей мы пока не связывали с их реальным нахождением, то с деревнями гораздо проще.

За Иваном Ивановичем Скрипицыным числилась бывшая деревня Пятинка, такой сейчас нет, но достойна внимания приска «прежнее паши Дербышова поместье». Чем владел в свое время этот служилый татарский князь, нам хорошо известно. Все его земли и селения были на речке Ломике, притоке Сутки, или вблизи ее. Вот здесь потом и находилась земля Ивана Скрипицына.

А Микита Самойлов сын Скрипицын был владельцем деревни Пантелеево, это его «отцово поместье». Она довольно далеко, на самой грани Кацкого и Рожаловского станов. Но смущаться этой удаленностью не надо, именно здесь и в дальнейшем были владения одной ветви рода Скрипицыных.

Одна линия Скрипицыных имела деревни и усадьбы в Кацком и Елоцком станах, в местах нынешних Мартыновского и Богородского сельских Советов нашего района, а другая — на реке Сить, в округе Божонки и Рожалова, в нынешнем Некоузском районе. Впрочем, часть их владений не раз оказывалась и в Тверской губернии, пограничные места при разных уточнениях границы побывали и там, и тут.

Итак, нам известны с начала XVII века две ветви рода дворян Скрипицыных. Коротко скажем сперва о тех, кто владел землей ближе к Мышину. В 1690 году эти Скрипицыны вели обмен землями с Матвеем Томановским, и можно было подумать, что их вотчины сопредельны. Так это и оказалось. И с тех пор Владимир Александрович Скрипицын и его «сродники» получили деревни Летикову и Федорково.

Федорково и сейчас значительное селение Богородского сельсовета, а Летиково — на глазах умирающая деревенька

Мартыновского сельсовета.

Есть изустные упоминания о родстве Скрипицыных с Томановскими и Кожиными, но есть и интересный материальный памятник деятельности Скрипицыных в этих волостях. Это храм, построенный ими в 1858 году в селе Богородском.

Богатое крупное село имело три церкви. Церковь Святого Духа, построенная Скрипицыными, находится на сельском кладбище и представляет довольно редкое явление в ряду верхневолжских памятников архитектуры. Не окажись она в столь дальнем сейчас углу района, она была бы любопытным объектом для показа гостям района, путешественникам, туристам.

Это—церковь в миниатюре, изумляющая своими игрушечными размерами и в то же время несомненной настоящностью. Это не часовня, а именно церковь, хорошей классической архитектуры, не избежавшей, конечно, множества миных провинциализмов.

Здесь трогательно и необычно все — от миниатюрного алтаря до колоколенки-беседочки. Церковь очень способна была влиять на людей. И я не удивился, услышав от старой сельской учительницы, знавшей еще дореволюционную гимназию, сравнение прелюбопытное. Мария Александровна Покровская сказала про церковь так: «Она — как бонбоньерка!» Вот какой отзыв совершенно не профессиональный, но в поэтическом плане, очевидно, безупречный.

В церкви Святого Духа были склепы с захоронениями Скрипицыных, а на колоколенке долгие годы висел скрипицынский колокол. Нигде на мышкинских церквях колоколов уже не было, а он оставался на своей крохотной беззащитной колокольне. Молчал. И лишь однажды, в 1941 году, подал голос.

По старой питерской дороге мимо села шли и шли на фронт войска. Проходившая рота бронебойщиков остановилась возле кладбища. И после починки одного из бронебойных ружей его решили на чем-то испытать. Колокол показался наилучшей мишенью. Вот тогда и восплакала его старинная медь.

Стреляный скрипицынский колокол сейчас хранится в нашем музее. Это, наверное, на сегодняшний день единственная вещь, помнятая старого провинциального коллекционера Скрипицына и наверняка знавшая прикосновение его рук.

Известные нам документальные упоминания об этом человеке сегодня малочисленны. В 1872 году он — один из 19 гласных Мышикинского земства. Под тем же годом упомянут его родственник Николай Павлович, почтенный мировой судья.

И — немного о ситской ветви Скрипицыных. Там, в селе Шелдомежь, тоже сохранился храм, построенный ими. Церковь Воскресенья в 1770 году заложил «секунд-майор Николай Дмитриевич, сын Скрипицын». Храм хороший архитектуры, но не столь своеобразной, как церковь Святого Духа в Богородском. Зато своеобразна судьба самих ситских Скрипицыных. Они одни из очень немногих здешних дворян удержались в родовом поместье и хранячиали довольно успешно.

Перед революцией кроме старинного усадебного дома и парка им принадлежали земля, лес и одна из трех шелдомежских мельниц.

Старожилы вспоминали барина, говоря, что был он человеком незлым, хорошим хозяином. Отмечают свойственные всем Скрипицыным богатырский рост и немалую силу. Похоронен последний владелец усадьбы там же, на кладбище, принявшем многих его предков.

Скрипицынский сад с прудом, березками, елями, липами, тополями и, конечно, с непременной акацией, издали еще хорош и кажется вполне сохраненным. Со стороны деревеньки Зайцево он лиричен и старообразен. Тропинка во ржи ведет к изножью храма, к тополям и акциям. Тихо, грустно. Впечатления присутствия живой старины еще весьма ощущимы.

И они способны ожить тем сильнее и принять особый оттенок, если вам известно, что одна из дочерей старого барина в трудах и бедности жила здесь до смерти. А другая работала на станции Сонково и, умирая у дочери, слезно просила похоронить в Шелдомежки «возле всего нашего рода».

Вот, кажется, и все. Но если живет еще кто-то из потомков, то возможны встречи с новыми фактами и, может, даже с документами. А может быть, у некоузских краеведов такая встреча уже состоялась.

Прошу простить краткость и схематичность моей попытки посильного комментирования. За время после выхода журнала я успел немногое. Но буду рад, если эти штрихи окажутся каким-то живым фоном к портрету одного из давних мышикинцев, так выразительно нарисованному Евгением Николаевичем Опочининым.

**В. ГРЕЧУХИН,
председатель совета Народного музея.**

ПОГАСШИЕ ОГНИ ШИШКИНА

«Где же барские усадьбы, пригородные дачи, столь заботливо и красиво устроенные уюты близкой старины! В лучшем случае от них остались стены, а внутри устроены фабрики или сумасшедшие дома».

Н. ВРАГЕЛЬ, искусствовед. 1910 г.

Судьба имения Опочинина — Тучковых в Шишкуне — история классическая и грустная, с утратами, с незаслуженным забвением.

Сейчас на краю села еще стоит вместительный двухэтажный дом, окруженный старыми липами (парк, имеющий статус «памятника природы», почти полностью уничтожен во время недавнего строительства дороги). Здесь размещается психоневрологический интернат, понемногу приведший дом «в согласие» со своим образом жизни. Впрочем, само строение мало изменилось, только внутреннее пространство потеряло былую ясность планировки, да «немаркая» казенная краска покрыла стены, знавшие тени и отсветы иного времени. Именно здесь, вдали от столицы, некогда находилось богатое собрание художественных и мемориальных предметов, связанных с памятью Кутузова и с жизнью двух стаинных дворянских семей.

В XVIII—XIX веках имение принадлежало «петербургским» Опочининам. Родословные книги, отсчитывая поколения этого разветвленного рода, называют первым некоего Семена, жившего в Москве в конце XV века. В зените «золотого осьминадцатого века» владельцем Шишкана был президент петербургской берг-коллегии Михаил Степанович Опочинин. Сын его, Петр, заставший уже закат екатерининского правления, «прожил» эти земли вместе с большей частью крупного состояния. Позднее имение вернул себе следующий представитель рода — Федор Петрович Опочинин. Адъютант и друг великого князя Константина, герой Аустерлица, он был женат на младшей дочери М. И. Кутузова — Дарье Михайловне. В 1808 году вышел в отставку (Кутузов сокрушался: «Не знаю, что сказать... жаль в такие молодые леты себе затворить карьеру», но Опочинин сделал карьеру штатскую и впоследствии числился «среди первых чинов Двора»).

По-видимому, именно тогда началось устройство имения в Шишкуне.

Опочинины приезжали сюда летом с детьми, совершали прогулки по близким окрестностям, принимали гостей. В доме появились произведения живописи, привезенные из столицы или из Италии.

В собрании Угличского музея есть две акварели, запечатлевшие комнаты имения. Подобные работы были чрезвычайно распространены в 30—40 годы прошлого века. Кажется, тогда у людей было совсем особое чувство дома. Этот замкнутый мир комнат значил очень много—здесь жили их деды и вырастут их внуки. За окнами будет тот же вид, под дождем, в снегу или при ярком солнце, а вот комнаты всегда неуловимо меняются. Время потихоньку смывает одни штрихи, приносит другие. Кто-то сменит мебель, обновит обои, перевесит портреты, но «уюты близкой старины» сохранит, и напомнит через десятилетия такая вот непрочная акварель, которую вы видите на снимке

Светлые комнаты с высокими потолками и балконом, выходящим во двор, могли быть предназначены для приема гостей, для отдыха и длинных бесед.

Низкий кабинет с камином на первом этаже удален от парадных комнат, от шума. Здесь мебель с выгнутыми ножками, старинный «кабинетный» рояль с раскрытыми нотами, драпировки на стенах. На фоне темно-зеленой ткани под неизменным итальянским пейзажем пестрая россыпь миниатюр — приблизить бы на минутку эти портреты, различить черты! На столе то ли альбомы в нарядных переплетах, то ли хозяйственные книги, рядом маленький бронзовый колокольчик (не он ли, тусклый и скучный, сейчас в фондах музея?), на спинке кресла большая лиловая шаль, на полу скамеечка для ног.

Может быть, здесь проводила свой день Дарья Михайловна: писала письма сестрам и детям, оглядываясь на их изображения, проходила мимо зеркала над камином, в сумерках встравивая колокольчик, — в комнату вносили свечи. Она часто болела и в деревне жила подолгу.

В 1848 году во время эпидемии в Петербурге умер, не дожив до сорока лет, ее сын Константин — блестящий офицер и образованнейший человек. Вера Ивановна, его двадцатидвухлетняя вдова, привезла сюда маленьких дочерей и сына Федора. Из столичного дома, принадлежавшего прежде Ку-

тузову, перевезли памятные привычные вещи.

В 80-е годы со смертью библиофила, собирателя автографов Федора Константиновича ветвь фамилии пресеклась, и имение перешло в собственность его сестры, в замужестве Тучковой Но до начала нынешнего века в доме сохранялась «опочининская» атмосфера.

В 1917 году Шишкино было «социализировано», ревизия 1919 года установила: «За это сравнительно недолгое время имение пришло в полный упадок... Видны следы разрушения и поголовного хищения». Тогда же составили опись опустевшего «барского дома». Все только считали: «рамки с портретами», иконы, плюшевых мишек и кукол в детской, реликвии войны 1812 года. По самым осторожным подсчетам, картин, рисунков и акварелей на стенах было более ста, фотографий около трехсот.

Потом вещи начали вывозить в Углич. Приходя в движение, они теряли биографию и ореол семейных преданий, пропадали сами. По свидетельству М. Н. Черемовской (тогда 18-летнего счетовода), часть груза, отправленного на крестьянских подводах, была сброшена возчиками в карьер кирпичного завода. А опустевший дом уподобился ненужной нитке от рассыпанного ожерелья. «Бусины» его «закатились» в фонды Угличского музея, в Эрмитаж, в Пушкинский Дом. Они-то еще помнят обрывки полузыбкой истории одной семьи, хранившихся в Угличе.

С. КИСТЕНЕВА,

научный сотрудник Угличского историко-художественного музея.

НАМ НАДО ОБЪЕДИНТЬСЯ

В книге известного краеведа П. Критского «Наш край» (Я., 1907.) в главе о Мышике мы читаем: «Как примечательность города отметим находящуюся здесь земскую публичную библиотеку, составившуюся из пожертвованной крупной библиотеки местного помещика Ф. К. Опочинина и других, более мелких библиотек уезда: в ней собрано 12 тысяч томов разных книг, между которыми встречаются очень редкие, так что библиотека эта могла бы сделать честь любому губернскому городу».

Кто же были они, безвозмездно проводившие такую большую работу на ниве культуры и просвещения? Давайте попытаемся ответить на этот вопрос. Ведь уже тогда находились недоумевающие: «Почему это люди трудятся безвозмездно над делом, которое, казалось бы, и не касается их вовсе, а другие жалеют даже, что такая серьезная библиотека находится в нашем маленьком городе». Так писал Константин Грязнов, первый библиотекарь, в предисловии к «Каталогу книгам Опочининской публичной библиотеки». Отысканные документы помогли нам разыскать фамилии первых общественников нашей библиотеки. Это Ф. К. Опочинин, П. А. Строев, К. В. Грязнов, А. Севергин, А. Н. Крылов, К. Н. Гаврилов, А. А. Тютчев.

В 1910—1913 годах библиотекарем был Федор Николаевич Томановский, председатель земской управы. О каждом из этих людей мы знаем пока очень немного. Так, Александр Алексеевич Тютчев — родственник знаменитого русского поэта, действительный статский советник, председатель Мышикской земской управы.

Павел Александрович Строев — земский гласный, увлеченный архивист, книголюб, непременный представитель мышикских краеведов на ярославских съездах археологов. К. В. Грязнов — первый библиотекарь, он подготовил к изданию «Каталог». Книга напечатана в Мышике, объем ее более двухсот страниц.

Грязнов — автор первой краеведческой публикации по истории Мышика, опубликованной в газете «Угличанин». Он также был первым руководителем местной метеостанции. Жаль, что о Севергине, Гаврилове, Крылове нам почти ничего не известно. В память об этих первых деятелях культуры в

нашем крае и учреждены Опочининские краеведческие чтения.

Думаем, что они помогут развитию нашего краеведения. Без краеведческих знаний сейчас не обойтись. Без них нельзя браться за реставрацию местных достопримечательностей.

Ярославское краеведение имеет свою историю. В двадцатые годы оно пережило как бы новый расцвет. Тогда было создано большое количество музеев и краеведческих организаций, выходила краеведческая литература. Получили известность краеведческие общества Ярославля, Рыбинска, Ростова. Но они не единственные. Были, например, Мологское общество изучения родного края, Мышкинское естественно-научное и краеведческое общество и другие.

К сожалению, в последующие годы в этом направлении многое было утеряно, многое погибло безвозвратно. И только благодаря усилиям истинных патриотов, сынов своей Родины, часть нашего наследия все же сохранилась для потомков.

С истинным уважением мышкинцы называют имена старейшего краеведа, учителя Алексея Ивановича Липилина, оставившего нам «Краткую историю Мышкина». Помним мы другого учителя, мышинского краеведа Александра Константиновича Салтыкова. Учителей Александра Семеновича Молочкова, Владимира Александровича Порецкого, которые и сейчас продолжают свою деятельность. А их публикации в местной газете о прошлом Мышкинского уезда — это значительный материал о крае, доступный нашему читателю.

Их духовный потенциал дал когда-то импульс в работе сегодняшним нашим краеведам. Первой и главной задачей Опочининских краеведческих чтений мы считаем возрождение духовных и культурных исторических знаний. Мы будем собирать воедино все краеведческие силы, все краеведческие начинания. Это своего рода продолжение дела, начатого в Мышкине русскими интеллигентами в прошлом веке.

В нашей библиотеке раз в год будут собираться краеведы из всех районов области, рассказывать о своих изысканиях, о проблемах и возможностях. Нам надо всем объединиться, найти возможность публиковаться в местной прессе, а также подумать о выпуске своих сборников, возродить старую традицию местного книгоиздания.

Г. ЛЕБЕДЕВА,

директор Опочининской библиотеки.

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ В ОКРЕСТНОСТЯХ МЫШКИНА

Тема, связанная с культом камней, в краеведении одна из наиболее популярных и старых. Ей посвящен большой список работ, как дореволюционных, так и недавних.

Новый интерес к ним обусловлен в связи с составлением в различных регионах России сводов этих объектов, а также с подключением к этой работе, помимо этнографических источников, еще и археологических.

Вовлечение культовых камней, а также связанных с ними объектов (рек, рощ, могильников) в сферу музейного и туристического показа даст более широкое представление о прошлом нашего края. Разнообразит эту деятельность, а также поможет сохранению этих своеобразных «русских дольменов», по выражению академика Рыбакова.

Что такое «культовые камни»? Это «природные объекты», или, говоря простым языком — валуны. Большой частью они без каких-либо следов обработки. Главные особенности, выделяющие их от других камней, это: необычная форма, размер, цвет, какие-либо знаки на поверхности или углубления (возможно, рукотворные), местоположение.

Их культовое назначение определяется связью с каким-нибудь языческим божеством или христианским святым, а также огромным миром народных поверий, причины возникновения которых приходится искать в психологии людей.

Еще в первобытные времена отношение к камням было особое. Это связано с особым эстетическим воздействием валунов, их первозданным природным видом. Проявляется оно по сию пору, когда, например, не только художники, но и население не без интереса обращают внимание на отдельно лежащие камни, выпавшие из-под подмытого берега, или на скопления валунов в урочищах и в руслах речек. Большой частью они не несут никакой дополнительной информации.

Однако в окрестностях Мышкина существовал, и существует ряд культовых камней, легендарность которых выражена либо в названии, либо в устном предании. Разделить их можно на две группы:

1. Камни-одинцы (следовики).
2. Камни с курганов (могильников).

К первой группе относятся камни очень крупных размеров, местонахождения которых чаще в руслах рек. Такой камень есть на Юхоти, недалеко от устья р. Койки, на Корожечне, два камня на Сутке. Из-под одного из них брала начало сама река. Камень был утоплен в болотце при попытке вынуть его, — имел необычную форму. Второй находится возле Нечаевской. На нем, по преданию, будто бы отдыхала русалка по ночам.

Самый известный из здешних «одинцов» — Мардас. Был убран, видимо, в конце XIX века при чистке русла Волги. А находился вблизи нынешнего железнодорожного моста у ст. Волга. Название его отражено в документах начала XVIII века, где он фигурирует как межевой, хотя название Мардас уводит нас во времена дославянские, доисторические.

Не менее известен был другой камень — «Дядя Яков». Находился возле Круглиц (Охотино).

В эту же группу могут быть отнесены другие межевые камни. В актах средневековья один из них упоминается в Юхотской вотчине: звучит в форме «...а на камень великий», или «камень с гранью» (Н. П. Лихачев. «Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках», вып. I и II. СПБ, 1885 г.).

Вторая группа культовых камней — курганных неразрывно связана с обрядом захоронения, распространенным на Ярославщине в X—XIII вв. Обкладка захоронений и насыпей камнями наблюдается во всех могильниках нашего края этого времени.

Силовое поле этих камней хорошо видно на примере, когда они сохранились местным населением Могилиц и Дубровок даже после разрушения существовавшего там кладбища XI—XIII веков. Созвучное отношение находим и в том, что более 600 лет русские крестьяне добросовестно опахивали места древнейших могильников.

Другой пример, когда камень с кургана действительно стал предметом поклонения, связан с камнем из села Рудина Слободка. Камень находился на берегу Волги, за церковью. Явных признаков могильника поблизости не обнаружено, хотя есть два поселения XI—XIII вв., где могильники могли быть, но не сохранили своих внешних признаков — насыпей. Нам кажется, что такой камень мог находиться и на одиночном кургане, не обязательно могильнике. В сводах археологических памятников они встречались, а в нашем крае один из

них даже исследован. Находился возле Кривца. Сейчас же ни один из одиночных курганов не сохранился. Они являлись «предтечей» славянской колонизации края. Окружающее население считало этот камень (форма гриба) излечивающим от болезни. В определенные дни к нему приходили с дарами, примерно так же, как это делается на Пасху. Причем приезжали люди издалека.

Церковь боролась с этим явлением. Местный священник всячески порицал «бесовское» занятие, а когда увершения не помогли, перенес камень к алтарю храма. Но и там народ о нем не забыл.

Давно закрыли церковь в Рудиной Слободке, а камень по-прежнему оберегался и почитался. Его особо опекала семья Гусенковых, до того момента, пока камень не поступил в музей.

Камни имеют крупные размеры и характерную грибовидную форму. Напрашивается некоторое сходство их с каменными идолами Новгородчины, а в частности—с известным идолом с Шексны.

В связи с этим важно выяснить их местонахождение в обкладке кургана. Первые археологи, исследовавшие мышковские могильники, подмечают практическую сторону каменных конструкций. Я. Ушаков пишет: «...у некоторых основание опоясано и укреплено было двумя рядами камней: со стороны покатости к большой дороге в курганах укреплен сыпучий грунт, песок еще большими камнями, пудов по 10 весом...» (речь идет о кургане у с. Кривца).

На культовую «обереговую» суть каменных конструкций наводит статистика недавних исследований Темиревского могильника под Ярославлем. В ней представлено несколько разновидностей использования камней в обряде захоронения (в основном трупосожжение). Особенно интересна VI группа («Советская археология» № 2, 1985 г.), которая выделяет большой камень или плиту в центре кострища.

Разнообразие каменных конструкций предполагает и вполне определенное участие крупных камней, особую их роль в обряде, то есть бесспорно культовое значение.

В наши дни последние осколки первобытной культуры уходят в прошлое. С одной стороны, кажется, что все кончилось и забылось, а с другой—нет. Эти примечательные объекты не должны остаться без внимания. И если религиозного значения

(для нас) в них искать не приходится, то первобытность и особая красота привлекают и рождают новые мысли или домыслы, новые ощущения.

Предки оставили нам «живую» землю. Каждый ее уголок имел свое имя: ручьи, омута, пороги, пустоши, холмы, уроцища и болота, выгоны, деревни, леса и даже «вещие камни».

О. КОРСАКОВ,

член совета Народного музея.

СПЛЕТЕНИЕ ЦИТАТ

На душу повеяло дыханием жизни. Таково на нас действие старины, но почему? Потому что у нас долго не было старины...

А. ХОМЯКОВ.

Слово рождается от слова...

И. ЗЛАТОУСТ.

Была литература маленькая, чудная, вся вмещалась иногда в одну гостиную меж турецких диванов, стульев, столиков, витых, крученых, медью и бархатом обузоренных, отражалась в высоких стыдливых зеркалах, и шторы тяжелые на окнах не делали личика ее бледным. Наоборот, от жаркого мраморного камина, украшенного головкой Амура, румянец на детских щечках еще ярче пыпал.

Румяное резвое дитя — игрушек у него в кожаных корешках с золотыми тиснениями — достаточно.

И надо же так! Ни шторы, ни кожаные корешки, ни тесный круг взрослых дядей и тетей, первых — в аксельбантах и даже коронах — не мешали дитяти быть дитятей и иногда, как и положено детям, не по годам печально задумываться... Ну, хоть вместе с Игошой князя Владимира Одоевского. Соч., ч. 1—3, СПБ, 1844.

«Я сидел с нянюшкой в детской, на полу разостлан был ковер, на ковре игрушки, а между игрушками я, вдруг дверь отворилась, а никто не вошел. Я посмотрел, подождал, — все нет никого.

— Нянюшка, нянюшка, кто дверь отворил?
— Безрукий, безногий дверь отворил, дитятко!».

Вроде и не знает Игоша, что без рук, без ног — это ветер. И хорошо, что не знает. Потому что оказалось, что без рук, без ног — это такой мальчик в красных штанишках, которому в них и на морозе нипочем быть.

Была литература маленькая, наивная, романтичная. Попытаемся представить ее. Играй, читай, Игоша. Ну, хотя бы пятый номер «Московского телеграфа» за 1833. Здесь «отрывок из романа». Отрывок, по объему уступающий самому маленькому рассказу Чехова.

«Еще полный дремоты, чувствует он голод, придвигает он к себе плетеницу с пищей, берет круглый опреснок, ложит-

ся, кусает, и новое чудо: хлеб светит, как месяц! Ива всматривается: в руках его ущерб лунный, смотрит на небо, оно темнехонько, некому его осветить. Жаль Иве неба, поставил, думает он, светлый месяц на место. Вот шарит Ива рукою по небу. Гладко, как стекло, не на что повесить месяц. Опять шарит, ищет, вскакивает с досадой и — стукнулся об небо темнем. Хрустнуло небо, разлетелось вдребезги, звезды посыпались на него, как искры, обожгли его. Ива вскрикивает, приходит в себя, и — опять он в темнице, опять ночник теплится перед иконой, опять лежит он поперек одра с опресноком в руках. — Не верит Ива Олелькович глазам своим, взял опреснок и боится, чтобы опять не укусить светлого месяца». стр. 67.

Два отрывка из былины «Кощей Бессмертный», А. Вельтман.

Была литература маленькая. Повесть — на десяти страничках, рассказ — на одну, глава — на десять строчек...

И начинаются все те «части», «были», «отрывки», «сочинения» просто, по-детски. Вот еще несколько примеров.

«Было к полудню. Жители города, какого бы то ни было, в имени его нет большой надобности, в праздничный день возвращались из храмов Божих в дома. На главной улице стоял экипаж, нечто среднее между коляскою и польскою бричкою, но с зонтом, полы коего тщательно были застегнуты». Москвитянин. № 9, ч. 5, 1841. Маргарита Прокофьевна, повесть Основьяненко.

«17 апреля 18... года, во вторник на Фоминой неделе утром Иван Иванович встал очень рано, то есть в восемь часов: обыкновенно он изволил вставать в десятом. Лицо его было пасмурно. Федот, камердинер, заметил это. Умывшись, Иван Иванович нашел свойшелковый халат и молился долее, не жели когда-нибудь». Там же. 1841, ч. III, № 6.

Открывает Игоша номера «Библиотеки для чтения», «Москвитянина», «Отечественных записок» Краевского... Двери то и дело открываются загадочно, и — словно вошел кто-то... А кто он? Игоша не знает... Но и так хорошо.

Даже еще лучше!

— О, Паулина! Паулина! — начинает свою повесть Николай Алексеевич Полевой. — Еще вчера я был беден... Что значит горсть золота??

А дальше и игрушечная главка из семи строчек:

«По Тверской или по Никитской, не знаю, катилась карета и остановилась у подъезда богатого дома. Лакей в галунах отворил дверцы. Из кареты выпорхнула прелестная, богато одетая дама, за ней вышел мужчина. Можно было биться об заклад, что то были муж и жена».

«Месяца через два тот самый муж сидел в своем кабинете, наступала осень, камин топился, он был один, сидел в больших креслах и безмолвно смотрел на огонек в камине»...

Да, была осень, камин топился, Игоша сидел на полу, на ковре или в креслах и в той же толстой книжке «Сто русских литераторов» читал про бесплатную романтическую красавицу Бестужева-Марлинского.

«Один уже стан ея, который можно было два раза обвить руками, одна уже грудь ея, которой могла бы гордиться шестнадцатилетняя девушка, грудь как заря, чуть подернута круженным туманом, как волна перекатная, что падает, возникает, прыщет вешнею свежестью и манит каждого, как Гетеева рыболова, утонуть в заветном своем лоне!

...Вы подумали бы, что цветок, приколотый на левой стороне, пробился сквозь снег газа прямо из ее жаркого сердца.

...Прибавьте к этому угад людей, довольно тонкий...»

И снова — камин! Уже в кабинете молодого профессора Осипа Ивановича Сенковского. Камин, когда «догорающая глыба каменного угля» уже сотлела и развалилась, когда «бесчисленные», «серебристые обручи» боя часов бегут «по красному воздуху в тишине кабинета». Камин на дорогой бумаге рядом с «Пиковой дамой» Александра Сергеевича в «Библиотеке для чтения» во втором томе за 1834 год.

Впрочем, герой повести покончил жизнь самоубийством. Повесть так и называется «Любовь и Смерть». Любимую звали Зинеида. Ступайте вместе с Игошой на кладбище, к ее мраморному надгробию...

«...пошел я тихо, задумчиво, печально, по направлению к кладбищу. Только одна тропинка была суха в этом месте, и на ней приходилось довольно часто миноваться с мужиками и гуляющими островитянами, — что не весьма мне нравилось. Однако я пошел далее... Пройдя тысячу шагов, увидел я впереди даму в черной шляпке и клоке особенного цвета несколько мне знакомом. Она была одна, без лакея, и шла очень тихо мне навстречу. Я начал высматривать поблизости себя сухое место, куда бы я мог посторониться для нее с

тропинки. Мы скоро поровнялись. Чтобы пропустить ее, я остановился и не смотрел ей в лицо, из учтивости. Она тоже остановилась.

— Вы уже на меня не смотрите! — сказала она голосом, который разорвал мне сердце.

Я приподнял глаза.

— Зинеида!!!!...

Я оледенел. То была она!... Она! — та же, как семь лет тому назад, молодая, свежая, розовая, с теми же голубыми глазами — чистыми и голубыми, как пучины Средиземного Моря, — с тою же пленительной улыбкой».

...Читай, читай, Игоша. Скоро всему конец!

Н. СМИРНОВ,

заместитель редактора газеты «Волжские зори».

В цитатах сохраняется пунктуация пушкинского времени, а в отдельных случаях и орфография.

«СЕРЫЙ» ЛИ БЫЛ МУЖИК?

Работа в архиве открыла мне удивительный мир русской деревни конца XIX — начала XX века.

Хочется привести несколько фактов 1897 года, касающихся Хоробровской волости, но все эти данные являются средними для любой другой волости мышкинского края. Итак, о населении. Надо сказать, что в Мышиńskом уезде это была самая малонаселенная волость, в ней проживало всего 3928 человек, в соседней, например, Юрьевской — 4632 человека.

Все население размещалось в 23 деревнях и трех селах, из которых 15 населенных пунктов уже не существует. О том, что деревни были большими, свидетельствует тот факт, что из 26 населенных пунктов проживало: в 4-х — менее 100 человек, в 15-ти — от 100 до 200 человек, в 7-ми — свыше 200 человек.

В среднем же в каждой деревне жил примерно 151 человек. Причем в самой маленькой деревне Чурилкове жило 30 человек, а в самом большом населенном пункте — селе Хороброве — 250, не считая членов семей служителей церкви и волостной администрации. Ныне в Хороброве осталось 9 (!) человек.

Впечатляющим был и внешний вид деревень. В том же Хороброве, например, располагалось 62 жилых дома и 165 хозяйственных построек. В среднем в каждом населенном пункте было 110 построек: 32 жилых дома, 25 дворов, 20 сенных амбаров, 6 сараев и риг, 15 житниц.

Поразила прочность семей: всего 0,3 процента, или 6 семей, разошлись на четырехтысячное население волости. Да и то, как подчеркивают документы, юридически их развод закреплен не был.

О высокой смертности, особенно мужской, можно судить по большому количеству вдов и вдовцов, они составляли 11 процентов от всего населения. В волости проживали 363 вдовы и 51 вдовий мужчина.

А теперь несколько цифр, наглядно показывающих «нищету» населения. Из 705 хозяйств бездомными были 24 (3 процента), зато 532 хозяйства (75 процентов) имели по одной жилой избе, а 147 (22 процента) — по две. На всю волость приходилось 603 пахотных средства: 1 плуг на 5 хозяйств, 1 сохса на 2 хозяйства и еще 2 косули.

Внушительно выглядело и волостное стадо: 600 рабочих лошадей и 140 жеребят, 1008 коров и 695 телят, 1137 овец, 10 свиней, для 705 семей это не так уж и мало.

И, наконец, о том, что поразило меня больше всего: о грамотности. Из всего взрослого населения 52 процента было грамотным и еще 3 процента только умело читать. А если взять отдельно только мужское население, то увидим, что из 982 мужчин 876 (или 89 процентов) умели читать и писать. В таких деревнях, как Широбоково, Тимофеево, Нефедьево, Парfenово, Ордино, Марково, Киндяково практически все взрослое население было грамотным! Так как же быть с «серьм», «забитым» русским мужиком?!

С. РОЗОВ,

студент Угличского педучилища.

ТРАГЕДИЯ ЗЕМЛИ МОЛОГСКОЙ

Молого-Шекснинское междуречье, затопленное ныне Рыбинским водохранилищем, в недалеком прошлом являлось частью удивительного, прекрасного русского края. В письменных источниках Молога с прилегающими к ней обширными территориями именовалась «Мологской страной». Первые упоминания о ней относятся к 1149 году. Расположенная в северо-западной части ярославской земли, эта местность с изумрудно-чистыми реками и озерами, уникальными пойменными заливными лугами, неповторимыми лесами и перелесками, располагающими большими природными богатствами и отличающимися разнообразием представителей флоры и фауны, издавна привлекала к себе людей. Красоту и очарование молого-шекснинской земли, быт, нравы и занятия ее жителей, значение ее в жизни ярославского края запечатлели в своих произведениях краеведы Г. Головщиков, В. Лествицын, С. Мусин-Пушкин, И. Троицкий, А. Фенютин и другие.

На территории, где сейчас плещутся волны Рыбинского моря, веками жили наши деды и прадеды. На протяжении столетий формировался характер народа с его самобытной историей и культурой. И поэтому завещали нам все ушедшие поколения беречь эту землю, но не исполнили мы их завет.

Судьба Молого-Шекснинского междуречья неотделима от судьбы Волги и России...

Бурный и противоречивый ХХ век! На русскую землю он принес прежде всего войны и разруху, а они в свою очередь вызвали неслыханное ожесточение людей, подтолкнули их к совершению многих необдуманных поступков и действий. Несчислимые беды и лишения принес ХХ век и на молого-шекснинскую землю.

Моложанам, кроме бедствий, выпавших на долю всех народов нашей страны, пришлось испытать и пережить трагедию своей малой родины, ее варварское уничтожение и затопление.

Начавшая Великая Отечественная война усугубила и без того их бедственное положение. Казалось, что чья-то рука концентрирует и направляет эти несчастья.

Молого-шекснинская земля и живущие на протяжении столетий на ее территории люди, изведали все, что выпало на долю земли русской. Знали они междуусобицы, гнет татаро-

монгольского ига, смутные времена. Какие бы бури ни пронеслись над землей, всегда находилась возможность возродить ее и сделать еще краше. Свидетельство тому — существовавшие некогда на молого-шекснинской земле многочисленные исторические и культурные памятники, самобытная природа, все то, что с такой любовью наши деды и прадеды хранили, оберегали и приумножали.

Всеразрушающий смерч 20—40 гг. не смогла эта земля перенести и пала под напором безудержного эгоизма «великих преобразователей» земли русской.

В результате сооружения Рыбинского водохранилища был полностью уничтожен древний русский город Молога, частично затоплен город Весьегонск, подтоплены Мыскин, районный центр Брейтово, Пошехонье, Череповец, затоплено 700 старинных сел и деревень. Взорваны и ушли под воду мологский Афанасьевский монастырь, Югско-Дорофеева пустынь, Иоанно-Предтеченский Леушинский монастырь и десятки церквей, существовавших на молого-шекснинской земле.

Были разрушены и стерты с лица земли многие дворянские усадьбы с великолепными окрестностями и среди них: «Иловна» — родовое имение открывателя «Слова о полку Игореве» графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, усадьба братьев Верещагиных, великого художника и знаменитого маслодела, и многие другие архитектурные ансамбли.

В короткое время были уничтожены веками создававшиеся культурные и исторические ценности. В этом смысле показателен город Молога. Маленький провинциальный город России с населением немногим более 5000 человек (в начале XX века) обладал огромным культурным и духовным потенциалом. В городе действовало 2 собора — Воскресенский и Богоявленский, 3 церкви — Вознесенская, Воздвиженская, Всехсвятская. Близ города — женский Афанасьевский монастырь. Имелось три библиотеки. Были 2 гимназии, 4 училища, 3 приходские школы, первая в России гимнастическая школа, 2 приюта, 2 богадельни, а также телеграф, почта, кинотеатр и другое.

В городе были больница, амбулатория, аптека. Примечательно, что услугами больницы и амбулатории жители города Мологи и уезда пользовались бесплатно. Бесплатно выдавались для их лечения медикаменты и лекарства.

Была забыта веками осуществлявшаяся экономически ра-

циональная, экологически правильная система хозяйствования. Существовавшие основные формы хозяйствования: земледелие и животноводство — в сочетании с кустарным и полукустарным производством, небольшими заводами и многообразными промыслами взаимно обогащали и дополняли друг друга.

Первое место после земледелия и животноводства занимало деревообрабатывающее производство, основу которого составляло судостроение. Большое внимание его развитию уделялось Петром I. В селе Иловне он поселил иностранных шкиперов и плотников для обучения населения судостроению и управлению судами. Результатом такой работы стал широко развитый судостроительный промысел волостей: Прозоровской, Брейтовской, Покрово-Ситской, Янской, Леонтьевской, Иловенской, Боронишенской и др. В этой работе было занято не менее 2000 человек, которые спускали к открытию навигации до 500 судов самых разнообразных конструкций грузоподъемностью до 80 тонн.

Наряду с деревообрабатывающим производством были развиты промыслы по переработке продукции животноводства (катальный, овчинно-шубный, сапожный и др.) и растениеводства (полотняный, веревочный и др.).

На территории уезда работали десятки мельниц, маслобойных заводов, кузниц.

Весь этот многовековой уклад крестьянской жизни был за короткое время предан забвению. Последней попыткой разумного использования российского национального богатства — молого-шекснинских поименных заливных лугов было постановление коллегии Наркомзема СССР от 9 июля 1931 года о признании Молого-Шекснинского междуречья районом союзного значения.

Развернувшаяся важная для всей страны работа с созданием необходимых предприятий и учреждений была неожиданно прервана Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров от 24 сентября 1935 г., согласно которому началось строительство на Волге двух гидроузлов, Рыбинского и Угличского, а также о создании в системе НКВД «Волгостроя», которому и поручалось строительство.

Только через год после этого, 1 сентября 1936 года, моложанам было официально объявлено о переселении. С 1937 года начался насильственный сгон моложан с обжитых

земель. Так сознательно разрушалось наше национальное богатство — огромный крестьянский мир, самобытные города, села, деревни.

13 апреля 1941 года после завершения сооружения основных гидротехнических объектов Рыбинской ГЭС началось заполнение Рыбинского водохранилища.

13 апреля 1941 года — печальная дата начала затопления огромной территории центра России с ее многочисленными памятниками истории и культуры, места проживания более 130 тысяч человек.

В 1947 году гидростроители вышли на запланированную отметку 102 метра. Над землей моложан сомкнулись воды Рыбинского моря, выступали лишь отдельные главы церквей. Но спустя несколько лет и они исчезли в морской пучине.

Сооружение Рыбинского водохранилища — это трагедия, какой не знала на протяжении всего своего многовекового существования древняя ярославская земля.

Прошли десятилетия, но память и боль народная за судьбу Молого-Шекснинского междуречья не ослабевают. И как выражение этой памяти народной является развернувшееся движение за создание музея города Мологи и всего Молого-Шекснинского междуречья. Второй год работает в Рыбинске инициативная группа по созданию музея Мологи.

11 декабря 1990 года Рыбинский городской Совет народных депутатов принял решение о проведении 13 апреля 1991 года «Дня памяти Мологи». Оргкомитет по проведению «Дня памяти» приглашает принять участие в нем всех желающих. Свои предложения и пожелания по проведению «Дня памяти Мологи», а также предложения по организации музея города Мологи и Молого-Шекснинского междуречья просим направлять по адресу: Рыбинск, Волжская набережная, 77, историко-архитектурный музей-заповедник, с пометкой «Молога».

Н. АЛЕКСЕЕВ,

научный сотрудник Рыбинского музея-заповедника.

НАША КУЛЬТУРА САМОБЫТНА

Рыбинск и его окрестности располагают интересными архитектурными памятниками, возведенными по проектам выдающихся русских архитекторов. XIX век — время интенсивной застройки Рыбинска, являвшегося на протяжении столетия крупнейшим внутренним портом России.

Рыбинские пристани обеспечивали хороший доход городу, сюда в период навигации стекались на заработки тысячи крестьян центральной России. Умелая финансовая политика городских властей и широкая благотворительная деятельность богатого рыбинского купечества позволяли в относительно небольшом по численности населения городе вести интенсивное строительство общественных, культовых и жилых зданий. Во многих случаях проекты этих зданий выполнялись известными столичными архитекторами.

Следует отметить одну важную особенность провинциальных городов: в их культуре часто органично сочетались направления профессиональной школы и народного творчества, что рождало сплав провинциальной самобытности. Вместе с тем происходило взаимообогащение: в середине XIX века в русской архитектуре появляются стилизаторские направления народного зодчества, напротив, общение народных мастеров с «профессионалами» придавало новые импульсы развитию их творчества. Реализация выдающихся проектов (будь это столица или провинция) происходила при условии наличия мастеровых людей: каменщиков, плотников, кузнецов и так далее.

Выдающимся памятником русской усадебной культуры середины XVIII века и одним из первенцев архитектуры раннего классицизма в России является усадьба в селе Тихвинском на Волге, в 12 километрах от Рыбинска.

Энергичный и самолюбивый помещик Н. И. Тишинин, готовясь к приему в своей усадьбе императрицы Екатерины II, пригласил для ее проектирования выдающегося русского архитектора В. И. Баженова по чертежам известного петербургского гравера М. И. Махеева. Известно, что Баженов проектировал для усадьбы грот и триумфальную арку. Требуется специальное исследование, чтобы определить автора проекта главного дома, приписываемого также Баженову.

Летом 1811 года жителей Рыбинска постигло несчастье:

большой пожар уничтожил почти всю центральную часть города. В сентябре этого же года в Рыбинск был направлен из Твери молодой архитектор Карл Росси — впоследствии выдающийся русский архитектор и градостроитель, автор великолепных петербургских ансамблей.

Для Рыбинска Росси составляет проекты биржи, двух гостиных дворов, а также проекты 14 жилых домов и пекарни. Пока не определена степень реализации этих проектов, но они, безусловно, оказали бы большое влияние на характер застройки центральной части города.

Спасо-Преображенский собор — одно из самых представительных зданий города, построен по проекту А. И. Мельникова — ректора Петербургской академии художеств. Творчество архитектора тесно связано с ярославским краем. Например, в Ярославле по его проектам были построены Демидовский лицей и колокольня Успенской церкви, в Ростове — гостиный двор.

Мельников участвовал в конкурсе проектов Исаакиевского собора в Петербурге, один из его проектов Исаакиевского собора очень близок к возведенному храму в Рыбинске.

Источники позволяют предположить, что Спасская церковь и Никольская часовня были построены по проектам К. А. Тона, автора проекта несохранившегося храма Христа Спасителя в Москве.

Первое здание железнодорожного вокзала в Рыбинске было построено в 1870 году академиком архитектуры К. К. Рахау, который построил ряд общественных и жилых построек в Петербурге. Существующее каменное здание вокзала построено гражданским инженером С. И. Минашем, который также плодотворно работал в столице. Возможно, несохранившееся покрытие дебаркадера вокзала было выполнено по проекту выдающегося русского инженера В. Г. Шухова.

В конкурсе проектов театра для Рыбинска среди петербургских архитекторов одержал победу В. А. Шретер, крупнейший русский архитектор второй половины XIX века.

По проекту академика А. В. Иванова в 1912 году будет завершено строительство одного из самых красивых зданий в городе — Новой биржи. Исключительное мастерство проектировщика и строителя было приобретено Ивановым при строительстве зданий на центральных улицах Петербурга.

В 1907 году под Рыбинском в селе Красном на Волге вы-

росло сказочное деревянное здание с высокой башней. Это — дача профессора Н. Н. Феноменова, частым гостем которого был в последние годы жизни ученый-демократ П. Ф. Лесгафт. Проект дачи выполнил петербургский архитектор Г. Д. Гримм — один из авторов музея А. В. Суворова в Петербурге, а также представительных домов на его улицах.

В силу обстоятельств не названы имена менее известных архитекторов, а также интересные постройки безымянных провинциальных мастеров. Перечень приведенных выше архитекторов заставляет с уважением обращаться к историко-культурному наследию, показывает, что Верхняя Волга никогда не была глубокой провинцией, «медвежьим углом». Это был один из центров высокой и самобытной культуры.

Е. БАЛАГУРОВ,
искусствовед.

г. Рыбинск.

ЦЕПОЧКИ ФАКТОВ

Я впервые в Мышкине, хотя мне кажется, что этот город всегда был мне знаком, всегда был в моей памяти. За время работы с темой творчества Евгения Николаевича Опочинина я сжилась с его ярославским, мышkinским окружением, наиболее яркие персонажи просто оживали передо мной со строк старых рукописей.

Так и с Валерианом Михайловичем Скрипицыным. Этот забазный русский дворянский интеллигент прошлого времени во всей его оригинальности ясно предстает перед нами в прекрасном описании Опочинина.

Линию мышkinских связей писателя я специально не исследовала, хотя могу считать, что целый ряд его произведений навеян именно мышkinскими впечатлениями. Есть мнение некоторых литератороведов, что, например, рассказ «В городке» достаточно верно отразил моменты жизни именно Мышкина.

Я очень рада, что моя публикация нашла читателей и исследователей как раз в Мышкине, что отсюда ко мне пришло приглашение участвовать в ваших чтениях, и для меня это ободряющая весточка, что литературные исследования нужны не только для читателей столичных, они нужны и для всей России.

Сегодня моей публикации уделили немало времени и внимания, и в выступлениях участников чтений прозвучало немало новых фактов и об Опочининах, и о герое очерка, Валериане Михайловиче Скрипицине. Это большая радость для исследователя, когда его тема привлекает и других людей и наша работа на глазах уточняется, продолжается, а факты, связываясь в цепочки, ведут нас к верным и объективным выводам.

Спасибо за интересные сообщения, за ваши прекрасные чтения. Постараюсь быть и в дальнейшем полезной вашему городу, его памяти, его традициям. Пусть нашими общими усилиями воссоздастся картина былого, верная и яркая.

М. ОДЕССКАЯ,
литераторовед.

г. Москва.

От редактора. Не все участники чтений представили рукописи своих выступлений. И это вовсе не от нежелания расстаться с ними. Нет, люди выступали без заранее подготовленных текстов, и без того уверенно владея знаниями по своей теме.

Кроме сообщения новых, неизвестных дотоле фактов Опочининские чтения были примечательны и новыми идеями в краеведческих делах. Самой ценной представляется идея возрождения краеведческих съездов. Не правда ли, есть смысл подумать об этом?

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	2
2. Е. Опочинин. Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины	3
3. В. Гречухин. Родословная дворян Скрипицыных	42
4. С. Кистенева. Погасшие огни Шишкина	46
5. Г. Лебедева. Нам надо объединиться	49
6. О. Корсаков. Культовые камни в окрестностях Мышина	51
7. Н. Смирнов. Сплетение цитат	55
8. С. Розов. «Серым» ли был мужик?	59
9. Н. Алексеев. Трагедия земли мологской	61
10. Е. Балагуров. Наша культура самобытна	65
11. М. Одесская. Цепочки фактов	68

ОПОЧИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Спонсором издания является Народный музей

Редактор — В. А. Гречухин

Художники — Л. А. Корсакова, В. В. Теркин

Корректор — Г. А. Ивлева

Сдано в набор 5. 11. 91. Подписано в печать 27.11.91.
Формат 60x90|16. Гарнитура журнально-рубленая. Печать
высокая. Усл. п. л. 4,75. Тираж 980. Заказ 1576. Цена
договорная.

Мышкинская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ярославского облисполкома. гор. Мышкин, улица Ленина, 11.

50p

v+u

mp

